

Модный Свѣтъ

иллюстрированный журналъ
для дамъ

Годовая цена I-го изданія:

Съ 12 раскрашенными картинками:
Въ С.-Петербургъ, безъ доставки 4 р. — к.
— съ доставкой 5 „ 50,
Съ пересылкою въ другіе города 6 „ — „
*) Изъ этой сумы 50 к. за пересылку и 1 р. 10 к. за упаковку.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“

выдается въ числѣтѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 иллюстрированными рисунками въ текстѣ, съ 12 страницъ выкройки, 12 вырѣзанных выкройки въ натуральную величину и 12 или 24 раскрашенными картинками парижскихъ модъ.
Объявленіе въ журналъ „Модный Свѣтъ“ принимается въ Конторѣ Редакціи и является платно за тѣловою по 10 к. за строку пожелавъ, какъ за себя.

Годовая цена II-го изданія:

Съ 24 раскрашенными картинками:
Въ С.-Петербургъ, безъ доставки 8 р. — к.
— съ доставкой 9 „ 50,
Съ пересылкою въ другіе города 10 „ 70) — „
*) Изъ этой сумы 75 к. за пересылку и 1 р. 25 к. за упаковку.

СОДЕРЖАНІЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Гиллеса. (Продолженіе). — Цесарь Капарра. Фантастическій рассказъ. — Паселамъ въ испаніи. (Продолженіе). — Послѣднотельница Лаватера. — Сцены изъ воспитанія дѣтей. (Окончаніе). — Новые момъ. — Фелетонъ. — Объясненіе вырѣзной выкройки № 2. — Продолженіе описанія рисунковъ № 3. — Объясненіе.

ЗА ТРОНЪ И ЖИЗНЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГИЛЛЕСА.

(Продолженіе).

гати здѣсь товаромъ, называемымъ красотою.

Гости засмѣялись, но Харнокъ замѣтилъ: Ваше высочество, ошибаетесь. У Гунта есть дочь, которую дѣйствительно можно назвать красивой. Дѣвушка съ волосами черными, какъ

пылъ, смѣялся Берникъ, глаза котораго блистали въ ожиданіи сюрприза. Гдѣ твоя дочка?

Лицо Гунта опять собралось въ складки, ясно показывая, что ему неприятно это упоминаніе о дочери.

— Ея нѣтъ дома, сказалъ онъ. Она сегодня въ поленѣ унаша въ Ольдъ Ромней.

— Ого — вы немножко жаете! вскричалъ Берникъ.

— Итъ, право, ваша милость — я говорю правду и очень беспокоюсь, что Бесси еще не воротилась. Онъ съ безпокойствомъ взглянулъ на большіе, красивые часы, которые нѣкогда, вѣроятно, украшали герцогскіе покои. И не знаю, гдѣ она теперь. Да сохранятъ ее всѣ снытые, сказалъ Гунтъ, оспинась крестнымъ знаменіемъ.

— А — да вы хорошей католички! сказалъ Берникъ, пристально глядя на Гунта.

— Многіе изъ нихъ принадлежатъ къ нашей церкви, сказалъ Харнокъ; хотя между приверженцами короля Якова не мало и протестантовъ.

— Тѣмъ лучше; однако, что же дѣлаетъ Бесси въ Ольдъ Ромней? продолжалъ Берникъ.

— Она дѣлаетъ заупки, коротко отвѣчалъ Гунтъ.

— То-есть, она получаетъ контрабандные товары для нашего хозяйства, смѣялся Харнокъ.

Гунтъ тономъ негодованія Берникъ поднаеся.

— Ну, мы еще познакомились съ хорошею дочкой, рѣшилъ онъ. А теперь не вѣншай и на покой. Мастеръ Гунтъ — нехаль-ли гдѣ нибудь меня уложить.

— Я позаботился объ этомъ, сказалъ Гунтъ, отодвигая перегородку. Для вашей милости — вотъ лучшая комната. Онъ указалъ на дѣст-

Исторія моды. V. Вальмъ въостокъ, рисунки Людовика XIV.

воровною крыло, съ томными глазами, сложена такъ, какъ вы и представити не можете.

— Чортъ возьми, вы возбуждаете мое любо-

отъ остальные гости намы-
трены были держаться по-
отдалъ отъ герцога, однако,
онъ настоялъ, чтобы всѣ сѣли за
столъ. Красное лицо Берника рас-
краснѣлось отъ волненія. Все испы-
танное имъ во время путешествія,
все слышанное и видѣнное, таин-
ственность и опасенія — все это
подѣйствовало на него возбуждаю-
щимъ образомъ. Горячая кровь
Стюарта и его матери, прекрасной
Черилли, сестры Малбурга, бы-
стрые потекла по жиламъ и онъ
опорожнилъ полный стаканъ.

— За здорье его величества
законнаго короля Англіи, Якова
II., — за уничтоженіе враговъ его!
вскричалъ онъ, чокаясь съ гостями.
А теперь, друзья мои, къ дѣлу —
сдѣлаемте-ка честь этому прекра-
сному юрксирскому окороку съ ач-
ичней, этому салату и сыру.

Начался общій разговоръ; Бар-
клай также вставлялъ свое слово.

Хорошо, хорошо, очень не-
дурно! воскликнулъ Берникъ. Дан-
но ужъ не бывалъ я въ веселой
старой Англіи и вотъ теперь вдвой-
нѣ наслаждаюсь, уничтожая такой
окорокъ, подобнаго которому не
отыщешь во Франціи. Ну-ка,
Гунтъ, — позовите вашу кухарку.

— Ваше высочество не сдѣлае-
те пріятнаго знакомства — она стара
и глуха.

— Жаль. Я было думалъ, что
такой румяный окорокъ могла пригото-
вить не иначе, какъ такая-же румяная молодка, настоя-
щая кентская. Стало бытъ, вы не очень-то бо-

нину. И для лорда Барклая приготовлено тамъ же.

Берникъ простился съ Паркинсомъ. Сэръ Харнокъ, сказалъ онъ, вѣдь вы поспѣете за нами?

Между тѣмъ Гунтъ зажогъ двѣ свѣчи и пошелъ въ комнату;—Берникъ, Харнокъ и Барклая послѣдовали за нимъ—затѣмъ, Гунтъ задвинулъ за собою перегородку. Общество находилось по дѣйствию и вступало въ четырехугольную, довольно просторную, комнату. Она была обита кожанными обоями, съ одной стороны помѣщались кровати, съ такими занавѣсками, которыя годились бы для покоевъ принца; опытный глазъ Берника узналъ въ нихъ отличнѣйшій образецъ, изображавшій эпизоды изъ жизни царя Ваттасара.

«Царскій приемъ», пробормоталъ героичъ. Въ одномъ углу комнаты стояли часы, на часахъ изъ обожаннаго дерева, въ другомъ виднѣлось неказистый работы раскладъ, съ принадлежностями къ нему сосудомъ для святой воды. Два, богато отфранцованные, комода и рѣзные стулья дополняли меблировку комнаты, маленькяя окна которой были плотно заставлены.

— Вотъ тутъ, подѣл, комната для вѣст, милордъ: обратился Гунтъ къ Барклаю, отворяя укую дверь.

Приглашавшая комната была убрана не менѣе роскошно. Въ ней помѣщались кровати и большія кресла. Гунтъ поставилъ свѣчи на столъ.

— Доброй ночи, милорды!
— Прошайте, почтенный Гунтъ! сказалъ Берникъ.

Контрабандистъ вышелъ изъ комнаты.

— Удивительный плутъ, вашъ довершитель!—Отъ какого дьявола у него всѣ эти превращения? спросилъ Берникъ, еще разъ оглядывая свою спальню.

— Вашему высочеству ужъ извѣстно, что Гунтъ контрабандистъ,—возразилъ Харнокъ.—Этимъ путемъ онъ собираетъ у себя множество разныхъ вещей.

Берникъ, между тѣмъ, подползалъ въ двери и зашпиновалъ задвижку.

Сэръ Робертъ Харнокъ, сказалъ онъ, возвращаясь,—теперь мы втроемъ. Барклая человѣкъ, занимающій пока мѣсто короля Йона, итакъ, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ: имѣйте въ виду опредѣленную надежду на успѣхъ заговора противъ короля Вильгельма? Лорды и ихъ совѣтники имѣютъ-ли, прежде всего, достаточное количество людей?

— Я твердо убѣжденъ въ этомъ, ваше высочество.

— Гм—вы думаете очень благородно; только гораздо было-бы лучше, если бы вы представили дѣло, какъ оно есть, пока я не сдѣлалъ еще неудачной попытки.

— Вы услышите подтвержденіе моихъ словъ не позже, какъ послѣ завтра.

— Затѣмъ же дожидъ. Я прождать весь завтрашній день? Вы могли бы завтра вызвать совѣтниковъ. Вы знаете, мнѣ некогда.

— Ваше высочество, такъ нельзя,—сказалъ Харнокъ. Мы не можемъ собраться раньше, потому что это было бы не безопасно—короля Вильгельма и его дворъ очень близко отсюда.

Берникъ вскричалъ въ испугъ.

— Что вы говорите? Король здѣсь, близко? Что это значитъ?

— Очень близко отсюда, повторяю я. Вашъ величество—это видно изъ писемъ вашихъ и королевскихъ приверженцевъ въ Сентъ-Иеремей—что король Вильгельмъ предпринялъ путешествіе по Англіи.

— Правда, правда. Дайте?

Король уже шлъ днѣ въ Кентъ. Третьяго дня онъ былъ въ Аддингтонъ, гдѣ дворничество, граждане и послѣдніе съ торжественно пригласили его и угощали. Вчера онъ прѣхалъ въ Броклендъ. Се-

годня онъ уже въ Ольдъ Ромней, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, находится большой замокъ лорда Сиднея, прозваннаго королемъ Вильгельмомъ въ лорда Ромнея. Харнокъ отдернулъ занавѣску у окна. Темнота немного расшалась—сказалъ онъ, указывая въ пространство. Видите вы ту черную полосу, выдающуюся на горизонтѣ—это холмы, принадлежащіе лорду Сиднею; они связаны между собою широкими лентами—это эстады, называемыя кентскими. Возъ за тѣмъ холмомъ расположонъ замокъ—тамъ теперь король Вильгельмъ; завтра утромъ лордъ Сидней готовитъ ему охоту, на которой будетъ присутствовать всѣя оранская знать. Всѣ эти равнины, граничащія Ольдъ-Ромнеи, Ней-Ромнеи и Соресексомъ, составляютъ охотничьи выгоны лорда Сиднея. Итакъ, съ моей стороны было бы очень непредусмотрительно созывать на завтра нашихъ союзниковъ. Многочисленное общество охотниковъ могло бы захватить сюда и запереть насъ. Послѣ завтра вечеромъ король поѣдетъ далѣе; программа его путешествія гласитъ: завтра вечеромъ ночной привалъ въ Винчельва, въ домъ Карла офъ-Фингъ.

Берникъ безпокойно прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я думалъ, что король поѣдетъ въ Кентъ гораздо позже,—сказалъ онъ.

— Ваше высочество были уже на морѣ, когда сюда пришла извѣстіе о прѣздѣ короля; а я не могъ послать деншу вашему высочеству и очень удивился, увидѣвъ васъ здѣсь.

— Правда—правда! Впрочемъ, если мы въ безопасности, то отчего-жъ не подождать одинъ день.

— И такъ и устроилъ, ваше высочество. Король завтра мы можемъ совѣщаться спокойно: посуда и его дворъ будутъ уже довольно далеко отсюда—народъ тоже разоидется по домамъ.

— Такъ близко—такъ близко! бормоталъ Берникъ, смотря въ окно съ страннымъ выраженіемъ во взоръ. Потомъ онъ посмотрѣлъ на обоихъ союзниковъ и вскричалъ:

Лордъ Барклая! Сэръ Харнокъ! Союзники хотѣтъ назначить день восстанія, не такъ-ли, Харнокъ?

— Правда, ваше высочество. Они хотѣтъ доказать свою преданность какъ можно скорѣе.

Харнокъ, сказалъ Берникъ. Лордъ Барклая привезъ съ собою подробный указъ короля Йона. Наме предпріятіе распадается на двѣ части. Созвать приверженцевъ Йона II, низложить оранскую партію и возстановить престолъ Стюартонъ, вотъ первая часть. Вторая не менѣе опасна. Онъ близко подвѣтъ съ собою обоихъ собесѣдниковъ.—Вы хотите, сэръ Харнокъ, опредѣлить моментъ для восстанія. Народъ и дворничество, приверженное Йону, должны встать только въ тотъ день, когда узурпаторъ Вильгельмъ надеждъ; сильный долженъ долженъ отдать его, живого или мертвого, въ руки якобитовъ. Вотъ вашъ вторая часть нашего предпріятія.

Барклая при этомъ извѣстїи остался спокоенъ, но Харнокъ наморщилъ лобъ.

— Я уже думалъ, что дѣло иначе не обойдется, сказалъ онъ. Впрочемъ, ваше высочество, я подготовленъ къ этому.

Собесѣдникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Не смотрите на меня такъ, сказалъ Харнокъ. Я знаю, что безъ сѣмьлаго шага не можетъ быть удачи. Пока король Вильгельмъ останется среди народа—успѣхъ восстанія сомнителенъ; если же его не будетъ, если всѣ останутся безъ предводителя и совѣта, то можно надѣяться на счастливый исходъ предпріятія, разумеется, если оно подготовлено и имѣетъ за себя могущественныхъ друзей.—И такъ, король долженъ настъ—живой или мертвый, онъ долженъ быть въ нашихъ рукахъ!

Красные глаза Берника засверкали враждебнымъ огнемъ.

— Вы прекрасный союзникъ! сказалъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, вы подумали о томъ, что говоритъ?

— Да, ваше высочество—у меня даже есть подходящий человѣкъ.

— Какъ?

— Вызываетъ много, но только двое изъ нихъ будутъ вожакими. Эдвардъ Кингъ и, главнымъ образомъ, Георгъ Портеръ.

— Кто онъ такой?

— Сильный человѣкъ, ренессансный любитель изъ военныхъ. Онъ еще молодъ и на столько отваженъ, что годится для самого опаснаго предпріятія. При его краснорѣчїи и изысканныхъ манерахъ, ему не трудно всюду проникнуть. У него знакомство по всей Англіи. Онъ свой человѣкъ и у скайпаръ, и у ферманска, и у загонщика лисницъ. У него есть друзья между высшими и низшими слоями лондонскаго населенія. Притомъ Георгъ Портеръ живетъ недалеко отсюда. Онъ находится теперь въ Килбургауэзъ, мѣстечкѣ, принадлежащемъ одному католическому дворянину, сэръ Джону Нендерграсу. Ваше высочество можете его видѣть. Георгъ Портеръ уже склонился на нашу сторону Нендерграса; онъ, какъ говорятъ, приходится затѣмъ Нендерграсу, который, по своей храбрости и изысканію, можетъ быть очень полезенъ для насъ. Портеръ одинъ изъ ренессансныхъ любителей. Онъ даже избралъ самую опасную должность—собрать союзниковъ—листья вслѣдъ разъ, какъ должно произойти собраніе въ домъ Гунтъ.

Берникъ посмотрѣлъ на Харнока съ добродушною улыбкою.

— Вы заслуживаете благодарность нашего короля Йона, Робертъ. Дѣло подвинулось даже, чѣмъ я полагаю. Только вы ужъ слишкомъ сильны. Это расхищеніе приглашенныхъ листовъ очень опасно. Начальники многихъ провинціальныхъ городовъ за короля Вильгельма. Легко можетъ случиться, что листы, отсылаемые къ Портеру, попадутъ въ враждебныя руки.

— Страна здѣсь пустыня и неспасенна—потому очень легко переходитъ то въ то, въ другое мѣсто, не бывъ замѣченными. Къ тому же, Портеръ очень остороженъ. Онъ всегда имѣетъ Гунта о мѣстѣ, въ которомъ находится. Я послалъ свою распоряженія контрабандисту и если требуется сознаніе союзниковъ, то Гунтъ посылаетъ приглашенные листы Портеру посредствомъ самого невиннаго пѣска въ мѣрѣ, своей дочери. Посредствомъ той самой Бесси, о которой былъ разговоръ сегодня. Гунтъ и его дѣла знаютъ, однако, гдѣ находится Портеръ—и потому совѣники собираются въ самомъ неподходящемъ времени. При этомъ, часть изъ нихъ сознанъ я и Паркинсъ, другую часть—Портеръ, третью сауга Томъ Рейсъ.

Берникъ подложилъ руку на плечо Харнока.

— Дѣло короля въ нашихъ рукахъ! вскричалъ онъ весело. Однако, отъянь Орента! такъ близко отъ меня—такъ близко къ центру заговора—гм-гм—если бы удалось поскорѣе устроить его. Если бы, напримеръ, завтра, ш охотѣ...

— Ради Бога, ваше высочество! вскричалъ Барклая. Неужели вы попустите такъ безразсудно и короля во время охоты, среди его приближенныхъ...

— Го-го! вскричалъ Берникъ. Я спосебствъ на это! Во мнѣ течетъ кровь моего отца и Черчилля—эта кровь не только горяча, но и отважна. Если я могу преградить путь узурпатору, престоны неистощитъ къ его груди—я не испугаюсь борьбы...

— Вы бы дожились спать, ваше высочество, оскандаивъ замѣтитъ Барклая, потому что вы не совѣсьте здоровьемъ.

— Какой же вы заговорщикъ, посдѣ этого? Тутъ требуется предусмотрительность. Убить во-

роля, посреди его двора, теперь, когда еще ничего не подготовлено — когда никто не знает, что должно случиться—это почти по дѣтски!

Берникъ улыбнулся.

— Будьте покойны, Георгъ, сказалъ онъ. Я упрямую свою страсть къ поединку. И такъ, завтра у насъ отъѣздъ, а теперь въ постель. Мы Тоби принесетъ завтра наши плащи. Ты же напишешь утромъ депешу въ Сентъ-Джерменъ, о составленномъ начинании нашего дела. Другое судно, которое завтра пристанетъ здѣсь, отвезетъ ее во Францію. Постъ завтра мы узнаемъ болѣе. Покойной ночи, Харнокъ—благодарю за усагу!

Въ эту минуту небо надъ замкомъ Сидней внезапно освѣтилось на нѣсколько минутъ и потомъ стало темно по прежнему.

— Что это такое? спросилъ Берникъ.

— Вероятно, Сидней жалко фейерверкъ въ честь своего гостя, король Вильгельмъ!—вотъ, посмотрите-ка, ракета взвилась на воздухъ.

Нѣсколько ракетъ пробѣжали темное небо и опустились на террасу, рассыпая вокругъ блестящія искры.

— Они тамъ очень веселятся съ этимъ королемъ, сказалъ Берникъ съ угрожающимъ жестомъ. Только, можетъ быть, этого человѣка скоро исчезнетъ во мракъ, какъ ракеты, пускаемые въ честь его.

Онъ началъ раздвѣливаться. Харнокъ расклатался.

— Георгъ, сказалъ Берникъ, когда они остались вдвоемъ, кажется, все идетъ хорошо. Когда заговорщики во время бурь, то удивляетъ скорость нашего рѣшимаго. Видя, что самый важный шагъ такъ хорошо подготовленъ, они приобрѣтутъ мужество для мѣле важнаго. Пуфъ—вотъ въ жизнь ораца!

— Вы думаете, ваше высочество. Нерѣдо и планы превращаются въ пуфъ, замѣтилъ Баркаль. Впрочемъ, на этотъ разъ, кажется, все обстоитъ благополучно. Мы хотѣлось-бы, какъ только попаду въ Лондонъ, приступить къ окончанію моей задачи.

— Ты исполнишь ее, Георгъ. О—зачѣмъ не начать мы раньше! Завтра я сопровождаю-бы короля на охотѣ.

Берникъ заснулъ.

(Продолженіе будетъ).

ДЕЗАРЪ КАПАРРА.

Фантастическій разсказъ.

Въ описываемый вечеръ, меланхолическій саръ Джонъ всецѣло предавался своимъ грезамъ.

Подъ гнетомъ неотступной мысли, умъ его блуждалъ въ томъ мѣрѣ, который кабанастами называется *міромъ дугою*.

Весь вечеръ онъ занимался таинственными *составными*, а на столько могли его побуздилъ отъ этой работы, на столько была потрясена его вся нервная система.

Вся его фигура какъ-бы спазматически подергивалась; онъ дрожалъ; глаза его непереставно блуждали. Онъ смотрѣлъ какъ-то внутрь себя и свидѣтельствовалъ о своемъ особенномъ состояніи странными рѣчами, совершенно отличными отъ тѣхъ, которые ведутся между людьми благоназучными.

Чувствуя необходимость подняться съ себя подобными своимъ идеями о вѣнчатѣлствѣ неизвѣстныхъ законовъ въ видимый міръ, онъ внезапно набросился на маленькій ящикъ, открылъ его, вынулъ оттуда кусокъ бумаги, развернулъ его съ большими предосторожностями и пошелъ къ самымъ глазамъ своего слушателя: «видите ли вы, что тамъ такое?» сказалъ онъ, закрывъ глаза, какъ кошма.

— Вижу маленькую струну, свернутую въ кольцо.

— Это струна отъ скрипки...

— Отъ какой? спросилъ собесѣдникъ.

— Это кинта отъ скрипки Цезаря Капарры...

При этихъ словахъ струна упала на полъ и разперулась. Саръ Джонъ съ страннымъ движеньемъ нагнулся, чтобы ее поднять, и потянулъ за одинъ конецъ, не замѣтивъ, что на другой онъ наступилъ ногою. Произошло сдвѣженіе: струна, сильно натянувшись съ нижняго конца, быстро свернулась и ударила по лицу Саръ Джона; на шею его обозначилась шрамъ и появилось нѣсколько капле крови.

Меня это вовсе не удивляетъ, прошепталъ флегматическій саръ Джонъ, пожимая плечами; а даже не понимаю, почему я не наказанъ строго... Ну, на мою шею не стоитъ обращать вниманія... И въ самомъ дѣлѣ, что эта маленькая струна была кинтою въ скрипкѣ Цезаря Капарры. Вопреки явственному смыслу, узнайте, что она послужила однимъ изъ средствъ, понижившимъ необыкновенныхъ, которыми всеразрушающая сила часто пользуется для своихъ цѣлей; эта струна убивала не только Цезаря Капарры, но еще одного изъ нашихъ знаменитѣйшихъ музыкантовъ.

Саръ Джонъ остановился, подумалъ и потомъ продолжалъ:—я раскажу вамъ, напередъ, какъ Капарра былъ буквально зарѣзанъ скрипкою..., а потомъ опишу судьбу другого артиста.

Когда ядѣшь черезъ Ботемю, отъ Аинча, на большой Прагской дорогѣ, скорѣй попадаются первыя вершины цѣпи молдавскихъ горъ. На разстояніи одного дня пути, большая дорога пересѣкается другою, едва замѣтною, убаюкивающимъ въ самое дѣло ушамъ; она приводитъ, посѣдъ трудныхъ переходовъ, въ маленький городокъ *Модулу*.

Кто знакомъ съ Модулою!.. вы знаете Модулою?.. Очень немногіе путешественники посѣщаютъ это мѣсто, одно изъ самыхъ древнѣйшихъ въ Ботеміи. Известнаго сего любителю природы нашла-бы тутъ съ избыткомъ, чѣмъ удовлетворить своимъ эстетическимъ влеченіямъ.

Въ Модулу, темные, грязные домики прилегаютъ одинъ на другой, выставляя тѣмъ и сямъ не правильныя угловатыя формы, искривленныя рукою времени.

Самый старшій житель страны не припомнитъ, чтобы когда нибудь поправлялись эти развалиныя хижинки. Ихъ старая, желтая бревна покрыты вѣчною густою сѣнью, подобною той, которая является на глянцѣхъ трубаковъ, бывшихъ въ долготу употребленія.

Затѣрѣнная, эта густая сѣнь широкими полосами застилаетъ фасады домиковъ, загромождая воздухъ грязныхъ переулковъ. Лучи свѣта, съ трудомъ пробившіеся между тѣсными крышами, разбѣгаются о бесчисленные выступы угловъ, освѣщая красноватымъ отблескомъ воздухъ этой жаркой мѣстности.

Какой ужасный городъ!.. не еще ужаснѣе его жители.

Есть на землѣ племена осужденныя; природа, вѣчно работая надъ прогрессомъ, уничтожаетъ какую нибудь націю, когда въ ней истощается матеріалъ для возрожденія. Это законъ природы; но тутъ видѣтъ также божественный промыселъ, законъ всего хорошаго и прекраснаго; онъ не позволяетъ поддѣлывать ему силамъ пожинать тамъ и сямъ, какъ пріедемъ, сдѣланъ одной необходимости возрожденія. Пока нація способствуетъ этой таинственной работѣ, она могущественна. Если же она дѣлается предвѣдомъ, то падаетъ и для ея преобразованія природа употребляетъ самого ужаснаго изъ своихъ агентовъ—уничтоженіе общественной связи.—Наступаетъ раздѣленіе. Работа медленна, но зато вѣрна. Живые элементы, составляющіе одинъ народъ, отталкиваются отъ своего центра невольною силой. Они раздѣляются и бродятъ по сѣту, не находя въ раз-

личныхъ расахъ людей секъ подобныя. Вскорѣ, изъ ненависти къ другимъ народамъ, отъ прѣвнѣхъ тишескихъ качествъ они удерживаютъ только гордость, не позволяющую имъ смѣшиваться съ чужими расами. Отдаленныя группы ихъ еще раздѣляются и дальнѣйшее раздѣленіе наконецъ приводитъ къ перерожденію расы; отъ прѣжняго развитія, совершающагося при помощи всѣхъ силъ, составляющихъ націю, остаются только смутныя, искаженные преланія и тогда, наконецъ, каждая особа совершенно теряетъ свое нравственное значеніе, племя исчезаетъ.

Модулу заключаютъ въ себѣ небольшое число человѣческихъ существъ, происхожденіе которыхъ тѣсно разсматривается историками. Будучи лишены всякой поэмы, свой собственности, еще болѣе, чѣмъ евреи, они не имѣютъ даже имени и принимаютъ ту націю, которая дастъ имъ въ разныхъ мѣстахъ своего шара. Въ Англію ихъ заводитъ египтянина, въ Германію цыганамъ, въ Испанію гитаносамъ, въ Италию цигари; всему, а въ Модулу въ особенности, эти существа прѣвнѣны и описаны...

Будучи самыми несчастными людьми и предаваясь занятіямъ, известнымъ подъ общимъ именемъ *Мани*, это проклатое племя въ известныя времена покидало свой городъ, распылялось по Европѣ, краемъ дѣтей, гробило и опять возвращалось въ Модулу; такъ они и теперь продолжаютъ бы разномыслиемъ, если бы не ужасное происшествіе, которое будетъ разсказано далѣе.

Самое сносное жилище имѣющаго квартала, принадлежавшее бургомистру Матеусу. Всякъ имѣетъ важность, отличаясь властью, но начальникъ Модулы былъ болѣе чѣмъ наемъ,—онъ былъ врачъ. Трудно опредѣлить степень уваженія, которую питали къ нему его подчиненные, только видѣній его видъ вовсе не соответствовалъ важности занимаемаго имъ поста.

Врожденно, бургомистръ питалъ отвращеніе къ прѣзрительности. Его костюмъ былъ до того простъ, что для его характеристикъ надо употребить вульгарное выраженіе: онъ ходилъ въ *черномъ тѣлѣ*; на немъ была жесткая рубашка изъ толстаго полотна. Нужно прибавить, что рубашка на половину пряталась за широкіе, изъ толстаго сѣняго сукна, шаровары, доходящіе, въ видѣ шканды, до самой груди и поддерживавшіе широкіе подтяжки, на подобіе солдатской португизы. Воротъ рубашки стигался высокимъ галстукомъ, концы которого широко болтались на груди надъ подбородкомъ,—крупная яловая шкура изъ сукна, одинаковаго съ панталонами, заканчивавшая костюмъ.

Въ такомъ нарядѣ старый Матеусъ показанъ бы комичнымъ, если бы не его особенно меланхолическая физиономія. Этому длинному блѣдному человѣку, съ тусклыми глазами глубокими морщинами на вѣкахъ щекахъ, было не до смѣха.

Его впадалъ сухая грудь свободно выкатывалась въ его широкой одеждѣ. Лѣта не сгорбленъ онъ, только остоженіемъ мускуловъ плечъ вытиснулъ грудь тѣмъ снѣжи, которая прилегаетъ къ акуль; такія образцы, голова старина выдавалась впередъ, подобно тѣмъ голенамъ птицы, у которыхъ клювъ всегда смотритъ впередъ.

Это былъ старикъ доходя, съ виду кроткій, и главное занятіе его состояло въ хожденіи върными шагами изъ одного угла комнаты въ другой. По временамъ, онъ останавливался передъ окномъ, устанавливая на своихъ широкыхъ плечахъ, опускалъ подбородокъ въ галстукъ и внимательно смотрѣлъ на клѣбше.

Врожденно, онъ одинъ только могъ видѣть то, на что смотрѣлъ, потому что между крайними домами города и жилищемъ Матеуса съ этой стороны не видѣлось ничего, кромѣ развалинъ квартала, исколѣпо аѣтъ тому уничтоженію огнемъ; между тѣмъ, старикъ проводилъ днѣмъ и ночью цѣлы часы въ томъ же положеніи, не сматриваясь въ неизвѣстную точку.

Однажды вечеромъ пожизненное прошествіе нарушило однообразную правильность его привычки. Ему доложили, что какой-то незнакомецъ желаетъ съ нимъ говорить. Вскорѣ постылись входить. Случай первый соединилъ вмѣстѣ сходное, также, какъ и противуположное; пришлецъ былъ тому доказательствомъ. Его можно было принять за другого Матеуса, только моложе; по сочувствію, возбуждаемому видомъ старика, въ незнакомаго замѣлилась тѣмъ же отталкивающимъ. Онъ былъ очень высокъ и худъ; его сухая, жесткая кожа была покрыта холодною бѣдностью; мутные глаза; длинный носъ и длинная шея съ очень большимъ и подвижнымъ адамовымъ яблокомъ; по всему этому обаяныи руки, съ длинными кистями и пальцами.

Онъ остановился; оба человѣка, стоявшие молча другъ передъ другомъ, подобны на двухъ цапекъ, готовыхъ оспаривать добычу.

Наконецъ незнакомецъ чуть-чуть наклонилъ голову и выговорилъ нескромное желаніе осмотрѣть архивы Моды.

Осмотрѣть архивы! повторилъ старикъ съ большимъ удивленіемъ... странная любознательность, но у меня нѣтъ архивовъ. Въ городѣ есть нѣсколько старинныхъ рукописей, но я положи-тельно не знаю, гдѣ онѣ.

Именно нѣтъ и я хочу видѣть.

Мнѣ трудно будетъ удовлетворить вашему желанію, милостивый государь; все это въ разрознѣ...; впрочемъ, если бы вы потрудились выяснить, чего вамъ нужно, я могъ бы быть, вымъ послезнѣ.

Незнакомецъ былъ холоденъ.

— Я музыкантъ, сказалъ онъ; я собираю всякія композиции для скрипки, имѣющія отношеніе къ реалистич. музыкѣ. Вы обладаете сочувствіемъ этимъ дорожкамъ; совершеннѣе, о существованіи котораго знаю только я одинъ; у васъ есть *De Profundis композитора Цезаря Капарра*; я хочу его видѣть.

— О, никогда, вскричалъ Матеусъ, повинованію, сильно обеспокоенный этими словами и очень возмущавшійся при имени автора.

Никогда?

Никогда... пока я буду живъ, этотъ ужасный пергаментъ не выйдетъ отсюда.

Но я хочу его имѣть, рѣко возражалъ незнакомецъ; оставьте ваши заманчивыя провинціальныя начальники. У меня есть важныя рекомендаціи и припасть отъ вѣнскаго Кабинета... Вотъ онъ. Потрудитесь выдать мнѣ требуемое.

Энергія оставила Матеуса. Уничтоженный, онъ стоялъ, опершись, въ одномъ углу комнаты и съ трудомъ переводилъ духъ. Наконецъ, безосновательно принявъ унизкую позу, онъ пролепеталъ умоляющимъ голосомъ:

— Простите бѣднаго человѣка... Вы вѣдь не знаете... вы не можете судить, какое воспоминаніе вы вызвали...

Матеусъ вдругъ выпрямился съ торжественными възорами.

Раді Бога! откажитесь отъ возложеннаго на васъ порученія. Вы знаете-ли, что такое *De Profundis Капарра*? Такъ знаете-же, прибавилъ онъ съ замѣтными усиліями, это...

Онъ нагнулся къ уху молодого человѣка и что-то прошепталъ.

Полноже! произнесъ тревожно молодой человѣкъ, пожимая плечами; вы просто сумасшедшій.

Собратьяи древности обыкновенно люди суровые. Этотъ же, промѣ того, казался еще жалкимъ и потому былъ неумолимъ.

Ну-ст, г-нъ бургомистръ, поспѣе, меня ждутъ въ Триестѣ.

Для Матеуса все было кончено; у него не хватало желанія, ни силъ для борьбы. Въздѣтствіе

испытанной имъ неудачи, онъ повиновался, какъ прирученное животное.

Поддерживаемый сердитыми художниками-незнакомцами, онъ долженъ былъ употребить довольно долгое время, чтобы доставить до самой отдаленной комнаты своего жилища. Придя туда, онъ подавалъ ключъ, указывая на дверь, и опустился на полъ, пропуская сдѣла вѣтныя слова, обозначающія мѣсто, гдѣ была спрятана рукопись.

Незнакомецъ взялъ фонарь, вошелъ въ комнату, пропущенную испорченными воздушномъ, отодвинулъ стоявшую тамъ постель, были которой было покрыто очень толстыми слоеми пыли, и приподнял одну половицу; глазами его представились ящики и въ немъ изуродованные остатки большой скрипки, лежащей на пергаментѣ, неперешитымъ разными знаками, на положеніи стержнями.

Это былъ драгоцѣнный свертокъ; онъ раскрылъ его и нашолъ тамъ струну, показавшуюся ему кивитомъ отъ скрипки. Онъ хотѣлъ взять ее и потянулъ, чтобы высвободить изъ пергамента; въ эту минуту струна прорвала ему въ кожу разрывающа напекъ до кости.

Пройдя въ корридоръ, онъ наткнулся на тѣло старата Матеуса, распростертаго лицомъ къ землѣ; послѣ тщетныхъ усилій привести его въ чувство, незнакомецъ вышелъ, не будучи ни сколько возмущенъ случившимся.

Старый бургомистръ умеръ; это внезапное прекращеніе его существованія было естественнымъ слѣдствіемъ описаннаго случая и понятно для того, кто могъ бы знать напередъ, что будетъ разсказано далѣе.

Отрѣнное посѣщеніе, поразившее старика, укротило остатки времени, который ему надлежало прожить. Сосредоточившись на ужасномъ воспоминаніи, душа бѣднаго человѣка очень слабо связывалась съ тѣломъ и готовилась при первомъ сотрѣсеніи оставить свою оболочку, когда-то крѣпкую, но теперь ослабшую, въздѣтствіе сильнаго нравственнаго страданія.

Эта перипетія произошла въ нѣсколько дѣтъ. Какъ въ мигну смерти бургомистръ былъ дряхлъ, такъ, пять дѣтъ тому назадъ, онъ отягчался крѣпкою тѣломъ и здоровьемъ; онъ былъ необыкновенно веселъ и подвиженъ, когда украшалъ свой домъ для пріѣзда племянника Цезаря Капарра, сына флорентійскаго дворника, Отто Капарра.

Въ то время его скромное жилище, убитое время гирляндами цвѣтовъ и листьями, имѣло веселый праздничный видъ. Дѣло шло о событіи большой важности для Матеуса. Въздѣтствіе долгой и нѣжной привязанности между нимъ и его сестрою, у нихъ давно сидѣла въ головѣ мысль породниться, и вотъ, для ея-то осуществленія, молодой Капарра пріѣхалъ праздновать свою свадьбу съ кизиную Гертудой.

Капарра предполагалъ прожить въ Моды до свадьбы, а потомъ оба семейства намѣревались соединиться въ Итали, чтобы прожить тамъ все остальное время въ невозмутимомъ счастьи.

Въ ожиданіи осуществленія этихъ желаній, у бургомистра шло пиръ. Когда будущее такъ благообразно предсматривалось, стоить ли думать о настоящемъ? Никому въ домѣ не приходила мысль, о не предвидѣнныхъ обстоятельствахъ, именующихъ рокомъ.

Оставалось только скоротать по веселѣ время, между дѣлѣмъ пріѣзда и свадьбой.

Въ этотъ союзъ всѣмъ виднымъ счастье, самое счастливое на ихъ головы; казалось такъ легко было осуществитъ свои задушевныя мечты... Они не замѣчали оборотной стороны медали... На этой-то сторонѣ саниномъ счастливые гости Матеуса вскорѣ увидѣли загадочный смыслъ жизни.

(Продолженіе будетъ).

ПЛЕВЕЛЫ ВЪ ПШЕНИЦѢ.

(Продолженіе).

Графъ Христіанъ придвинулъ къ столу кресло и удобно развалился на немъ. Графъ былъ молодой человекъ тридцати дѣтъ, блондинъ, краснотѣ, смѣлый, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, граціозный. На немъ былъ надѣтъ дорожный костюмъ; лицо покраснѣло отъ свѣжаго воздуха.

— Дина, сказалъ онъ, сегодня ты должна накрошить мнѣ въ чашку хлѣба, помини, какъ въ первые дни моего счастливаго супружества.

— Mais, проговорила Дина, и вѣно еще не закрѣпилось.

— Что тутъ краснѣть? воскликнулъ графъ; сегодня, черезъ пять дѣтъ послѣ свадьбы, мнѣ все напоминаетъ первые дни нашей свадьбы. И такъ счастливъ тѣмъ, что ты до сихъ поръ не раскисала, что обѣщавалась со мной.

Сконфуженная, по счастливому, графиня Дина назолаа своими маленькими пальчиками хлѣбъ, положила его въ чашку мужа и слегка, дрожащими руками, передала ее черезъ столъ графу.

— Oui, ces chers enfants! металлою проговорила тетяша Мирта, схвативъ руку Винако, который отъ испугу чуть не подавился.

Графъ Христіанъ всталъ, подошелъ къ разлоу, ваялъ первый аккордъ и сказалъ:

— Помини, Дина, ту пѣсню, которую я посвящалъ тебѣ, когда ухаживалъ за тобой?

— Ты ухаживалъ? развѣ ты умѣлъ ухаживать? съ удивленіемъ воскликнулъ Винако.

Дина посмотрѣла на него, потомъ на мужа и спросила:

— Развѣ мой мужъ никогда, ни за кѣмъ не ухаживалъ?

— Итъ, клянусь честью, воскликнулъ графъ, вскакивая со стула; ты, Дина, была первая, за которой я началъ ухаживать.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣшійся племянникъ, вы первый мужъ, который обладаетъ этимъ рѣдкимъ качествомъ, сказала тетяша Мирта.

— О, тетяша, развѣ когда нибудъ чей нибудъ мужъ...., графъ Христіанъ не договорилъ и заигралъ веселую пѣсню.

Даже блондинъа гувернантка противъ воли улыбалась.

— О! несомно воскликнула графиня Мирта, а знаю, что вы хотѣте сказать, дорогой племянничекъ! Я знаю, что такое супружеская жизнь. Мнѣ полюбила свои таланты всѣ мои племянники.

— И моя жена также?

— Разумѣется. Должна вамъ признаться, что она всегда хвалила васъ, Христіанъ. Это было такъ однообразно, что скоро мнѣ надоѣло.

— Что же дѣлѣ правильно во мнѣ спросилъ графъ Христіанъ, обнявъ стоявшую подлѣ него жену.

— Боже милосердый! не притворяйтесь, Христіанъ, въ вашей комнатѣ столько зеркалъ, что вы навѣрно знаете себѣ чѣлу.

— Положимъ, что такъ, но какое же качество важнѣе другихъ.

— Твое лучшее качество, твоѣ совершеніе, это—жена! воскликнула Винако.

Графиня съ благодарностью взглянула на него.

— А самая главная добродѣтель Дины—мое счастье, прибавилъ графъ, приятно улыбаясь воспоминаніямъ этого дня; ваволюванный въ этотъ вечеръ, онъ казался красивѣе, чѣмъ когда либо.

— Вы въ составлѣете часть моего счастья; имѣть такую прелестную жену, милую тетю, доброе дитя и вѣрнаго друга—это называется счастьемъ.

Графиня склонилась головой къ его плечу и тихо проговорила: Мой милый!

Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда сердце, переполненное чувствами, углубляется само въ себя.

Графиня Мирта молча смотрела на общество; Винако устремил глаза на уголья каминя: французская, мечтательно поперла рукою подбородок; Маа так много положила въ ротъ хлеба и молока, что едва могла дышать; Роза дремала въ углу; часы тикали; огонь въ каминѣ то вмигивалъ, то снова замиралъ, а на дверях осенній вѣтеръ шумѣлъ повѣявшими листьями.

Уложивъ Мау въ постель, мадемуазель Ленуфьеръ шла по данному холодному корридору въ свою комнату.

Памяи свѣчи кохалось въ ея дрожавшей рукѣ, она думала:

— Вотъ съчастливица! что за вѣстности! это даже слышнѣе по вѣсткамъ. Я много читала о вѣсткахъ замка; они ведутъ себе какъ ремесленники. Я въ этомъ не привыкла...

Колыхавшіеся свѣтъ бросалъ на темныя стѣны тѣнь отъ ея стройной фигуры и освѣщалъ тонкія, правильныя черты ея лица.

II.

Въ сумеркахъ.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, графиня Диана сошла въ садъ. Она не могла больше выдержать въ своей комнатѣ. Она была очень взволнована.

Время шло такъ тихо—мужъ ея спалъ почти всегда до 5—6 часовъ, а въ сумеркахъ она не могла читать; приближающаяся вечеръ раздражала ея нервы.

Графъ Христианъ часто говаривалъ ей:—пожалуй, проклятые верхоу съ Винако!—но она сердилась за эти слова. Неужели онъ низкоко не былъ ревнивъ? Если онъ не ревновалъ, то онъ и не любилъ ее.

Она ненавидѣла Винако. Тетка по вечерамъ рассказывала бесконечно длинную, скучную исторію, или рассказывала псалмы; какъ скучно и одиноко существовала она сама по вечерамъ въ замкѣ. Какъ часто ей хотѣлось бы побѣжать хотя бы со своей герцогиней, но это было непрактично. Она закуталась въ шаль и пошла въ паркъ. Въ паркѣ она была еще болѣе одна, но тамъ по крайней мѣрѣ могла на свободѣ сердиться.

Сердился! на кого? за что? Характеръ ея по природѣ былъ веселый, но уединеніе сердило ее. Паркъ казался ей невыносимымъ. На деревьяхъ не было болѣе ни листьевъ. Можно было ожидать свѣта, такъ сѣры и тяжелы были облака.

Она еще крѣче закуталась въ свой мягкій сѣрый плащъ и шла на скамейку—она была одна. Вѣтеръ развѣвалъ ей волосы.

— Сегодня или завтра непременно пойдетъ свѣтъ, скажутъ подлѣ нея чей то голосъ.

Это голосъ Винако, который стоялъ, лѣниво прислонясь къ дереву. Графиня его прежде не замѣтила, и содрогнулась отъ неожиданнаго голоса. Но ей такъ тяжело было въ одиночествѣ, что появленіе Винако даже обрадовало ее.

— Ахъ, шептала, графъ въ вѣстѣ?

— Цѣтъ; онъ вѣрно опять охотится. Говорятъ эти слова, Винако подождалъ бы скамейки.

— Всегда охотится, сказала графиня, улыбаясь.

— О вѣтъ, не всегда, послѣ охоты онъ заходитъ въ доумень и отдыхаетъ у него. Вы желаете съ нимъ говорить? не послать ли саугу? — Не надо, шептала, я только такъ спросила. Я знаю, что онъ заходитъ въ доумень и такъ закутывается, онъ мнѣ самъ говорилъ. А что, домикъ лавочка красивъ?

— Очень. Совершенно въ швейцарскомъ стилѣ. Вы его еще не видали?

Винако стоитъ, изображая изъ себя Колоса Родосскаго; на головѣ его надѣта шотландская шапочка. Въ этомъ костюмѣ и поѣхъ онъ, нагъ дѣлаи воды, изображаетъ изъ себя типъ друга дома, готового вѣстѣ дѣлать непріятности и удовольствія.

— Прелестный домикъ, графиня, продолжаетъ онъ, съ галлереи вокругъ и ослѣпой головой на фронтоны.

— Домикъ очень уединенный? спросила графиня.

— Такъ себѣ. У лавочка есть дочка, которая умѣетъ удивительно вкусно готовить. Я увѣренъ, что Христианъ ходитъ иногда охотиться ради ея стрипти.

— И я не знала, что за ней водится это искусство, слегка подруги, проговорила графиня и встала со скамейки.

Она смотритъ въ глаза Винако, какъ бы пытаясь его на дальнѣйшій разговоръ, но Винако флегматично вынимаетъ изъ кармана портсигаръ и молча закуриваетъ папиросу.

Напрасно продаваетъ отвѣта, графиня крѣпче закутывается въ свой плащъ и говоритъ:—однако, холодно, пора домой.

Шептала идетъ подлѣ нея по аллѣ; все вниманіе его устремлено на папиросу. Подходя къ дверямъ замка, ему наконецъ удалось закурить ее. Онъ тутъ только замѣчаетъ мочаніе графини и спрашиваетъ ее.

Вы задумались, графиня? вы грустите?

Я грущу, о чемъ? я только думаю о томъ, гдѣ Христианъ...; онъ не вѣздъ тогда, онъ мѣтъ простудился.

— О вѣтъ, на охотѣ непростудитъ; въ тому же, онъ скоро долженъ вернуться, еще не поздно.

— Одноко.

— Теперь только три часа. Въ ожиданіи—время таетъ очень долго.

— Какая грустная, тоску наводщая, погода, говоритъ, помогаятъ немного, графиня. Она слышитъ дрожжъ отъ холода и волненія и съ тоской и страхомъ смотритъ на облаканыя вершины деревьевъ.

— Сегодня наступила зима; надо устраивать по вечерамъ партію въ карты, иначе мы умремъ съ тоски; быстро проговоривъ эти слова, она уходитъ.

Шептала съ изумленіемъ смотритъ ей въ садъ. Онъ не привыкъ слышать отъ нея такъ слова.

(Продолженіе будетъ).

Послѣдовательница Лаватера.

I

Хронологическій опытъ.

Гдѣ скрывается таинственное лицо, которому поручено записывать тайныя браки, называющіеся свѣзъ? Въ какое хранилище спрятали онъ свой роковой реестръ? Гдѣ-бы отыскать его? Мнѣ хотѣлось навести справку о нѣкоторыхъ числахъ, такъ какъ онъ могутъ пригодиться всакому человеку, дорожившему своимъ прошедшимъ. Если этотъ неслучайный мѣръ исчезъ со своимъ тринадцатымъ оружіемъ, то какъ узнать годъ, мѣсяцъ и день, въ который г. де-Мегениль первый разъ ссказалъ г-жѣ Дезолье: «Я вѣсъ люблю!» Придется удовольствоваться однимъ частнымъ показаніемъ и обратиться прямо къ янвѣ 1854 года, какъ ко времени ихъ любви.

Если бы была возможность порыться въ записки мѣра, и сообщалъ бы вамъ часть, въ который годъ поднялся m-le Балашъ Дресоль и день, въ который она вышла замужъ за г. Раброна Дезолье; это замѣчательныя числа! Отыскать ихъ, а оказавъ бы вамъ не маловажную услугу и образо-

вать бы многихъ достойныхъ матерей семействъ. Лѣтъ г-жѣ Дезолье! какой шекетлиный вопросъ. А, между тѣмъ, онъ такъ часто повторился.

— Сорокъ лѣтъ, говорили одинъ.—Тридцать восемь, подтверждали болѣе добрыя и смѣшнѣе. —Сорокъ пять, заключали тѣ, которымъ сердце было пропитано злобой.

Но на какихъ доводахъ основывались нѣтъ эти предположенія? На жоготомъ платъ въ такомъ то году; на наступившемъ костюмѣ, въ которомъ она была на такомъ то болѣ; бытъ можетъ, узнали чрезъ двоюродную сестру или пансионскую подругу? Это древняя исторія. О ней уже не говорятъ болѣе: оставимъ и мы ее въ покое.

Въ 1854 году г-жа Дезолье была старше Юліана де Мегениль, хотя эта разница была гораздо менѣе замѣтна, чѣмъ теперь. «Она еще очень хороша», говорили про нее. Фраза ужасная, облачающая нѣкоторымъ образомъ число лѣтъ.

Но, между тѣмъ, она обладаетъ прелестною улыбкою; улыба у нея неслучайно блѣдныя, а дѣлупуруригубы приподнимаются къ угламъ. Глаза ея соответствуютъ движеніямъ рта; они полуоткрыты, а изъ подлѣ данныхъ рѣсницъ видны намысленныя взгляды. Можно ли старѣться, имѣя такую улыбку?

Что же касается до г. Дезолье, то это мужъ классическій, холодный и скучный; онъ сердится, когда жена его опаздываетъ къ обѣду и бѣгаетъ въ хорошемъ расположеніи духа, когда жидъ Юліана. Онъ занимается дресировкой лошадей, пользуется доходами въ Паркѣ, заскѣваетъ въ налатѣ и прѣзжаетъ иногда съ женою въ Парижъ. Нужно же показаться въ свѣтъ, чтобы не забыли о его существованіи. Г-жа Дезолье, какъ умная женщина, искусно управляетъ своимъ поженіемъ. Она приглашена въ герцогинѣ д'А... въ графинѣ Н... Г. Дезолье сопровождаютъ ее далъ того, чтобы отворить ей двери. Это ея вѣнчанная сторона; о добродѣтели г-жи Дезолье, о ея вѣрѣ въ безсмертіе души и будущую жизнь, нечего и говорить. Понимаетъ ли она только значеніе этихъ словъ? Но, впрочемъ, не подумайте, что она не умна. Напротивъ, говорить, что она хорошо пишетъ, съ удовольствіемъ присутствуетъ въ академическихъ собраніяхъ, когда у нея есть новая шалия, и постоянно занимается чтеніемъ журнала «Revue des Deux mondes». Вотъ не необходимое образованіе людей большаго свѣта. А какъовъ ея пріемъ? Безъ сомнѣнія, у нея есть какія нибудь правила, чего-же болѣе?

Она знаетъ, что она не должна какія то обязанности; знаетъ, что душе поступать согласно съ ними, а не иначе. Тотъ и все. Она долго занималась своимъ туалетомъ, потомъ съестствомъ, и наконецъ, пришла любовь. Г. де Мегениль вскружилъ ей голову.

— Позвольте представить вамъ одного изъ моихъ друзей, г. Юліана де Мегениль, сказала ей герцогиня д'А...

— Какъ онъ хорошъ, подумала г-жа Дезолье.

— Какая милая улыбка! пробормотала Юліанъ.

Такимъ образомъ началось ихъ первое знакомство.

Почему это, два существа, совершенно незнающія другъ друга два дня тому назадъ, имѣютъ теперь отъ мысли, отъ чувства? Почему ихъ сердца... Но что возмѣсто объяснить это? ужъ конечно не я.

II

Нѣвинный разговоръ.

Графъ Юліанъ де Мегениль очень рано лишился отца и матери. Воспитывался у бабушки, подлѣ надомной ядѣ, онъ не поладилъ Паркиа. Училище, кое-какъ достигнутае бакалаврство, въспользу попытокъ сдѣлаться адвокатомъ, вступленіе въ члены клуба, выполняющіе усвоенное искусство верховой ѣзды: вотъ главныя черты жизни,

которая ежедневно, при богатствѣ и знатности, провалилась въ образъ дѣланныхъ и разочарованныхъ членовъ общества.

Она очень любила музыку и каждое воскресенье посещала консерваторіи; это замѣлательное обстоятельство. Но я забылъ упомянуть о его красивомъ лицѣ, о его величественномъ видѣ! Почему одинокъ онъ казался слишкомъ строгимъ, а другимъ нравился? Вѣроятно, онъ имѣлъ какія нибудь достоинства, за которыми его полюбила г-жа Дездемона? Не буду отвѣчать на этотъ вопросъ, но, если угодно, представлю случай судить объ этомъ самимъ. Послушаемъ у дверей.

Это происходитъ въ началѣ зимы 1860 года. Г. Дездемона набождается за посѣлами въ деревнѣ. Вечеръ. Г-жа Дездемона идетъ Юліана, котораго она пригласила на чашку чаю посѣтъ итальянской оперы. Въ каминѣ пылаютъ огни; дѣла миніа, подъ розовыми абажурами, свѣтла освѣщаютъ гостиную; нѣсколько вьющихся растений; низкіе стулья и кресла, обитые пестрою матеріей; большой букетъ цвѣтовъ довершаетъ убранство комнаты и веселитъ взглядъ художника. Входитъ Юліанъ.

— Это вы! вскричала г-жа Дездемона, слегка покраснѣвъ. Очень пріятно! не это только десять часовъ, — вы не дождались конца?

— Нѣтъ, итальянцы мнѣ надоели. Ахъ! когда послушаешь итальянскую музыку... Что это вы читаете?

— Романъ Жюль-Занда.

— Назъ журнала «Revue»?

— Да.

— Какъ мнѣ музыка не нравится. Но, впрочемъ, очень хорошо написана.

— Превосходно. Хотите чай?

— Чтобы составить вамъ компанію, какъ говоритъ Геприхъ Моше. Вѣдь я не люблю пить чай... — А знаете, что поражаетъ меня въ романѣ Занда? Это слоги его: она такъ хорошо описываетъ природу! Не правда-ли? Жаль только, что въ политическомъ отношеніи она...

— Показушества, немного сахара!

— Да вкуса, это ваша цифра, я не забыла.

— А итальянцы отличались ли на этотъ разъ?

— Такъ себѣ.

— Много ли вы знакомыхъ встрѣтили?

— Постоянно одинъ и тѣ же личности. Какъ это случило!

— Хороша ли была г-жа д'О?

— Сегодня не ее день. Она абонирована по четвергамъ.

— А въ прошлый годъ ѣздилъ по средамъ.

— Вонсе пѣтъ, потому...

Споръ на эту тему еще долго бы продолжался, но Юліанъ прервалъ его фразою, которую сѣбно сказать въ самомъ началѣ:

— Впрочемъ, среда или четвергъ, для меня рѣшительно все равно.

Видъ этотъ только еще облачно, подумала г-жа Дездемона; но небо покрывается тучами и приближается гроза. Нужно было задать вопросъ: «У васъ абонирована кресло? спрашивала она; довольно ли крупновъ вашъ чай? Не мѣшаетъ ли вамъ этотъ букетъ цвѣтовъ? Не раздражала ли я васъ чѣмъ нибудь?»

Какіе искусные переходы: объ удовольствіяхъ, жаждѣ, о благосклонности... Какъ г-жа Дездемона хорошо знала человѣческое сердце!

На всѣ въ вопросы Юліанъ отвѣчалъ покаяніемъ головы, которое означало — пѣтъ. Наконецъ, сославшись на головную боль, онъ всталъ. Г-жа Дездемона, улыбаясь, провожаетъ его до дверей зала. Потомъ, отославъ прислугу, садится къ огню размышлять или, скорѣе, плакать. «Она меня не любитъ, думаетъ она, они невинидятъ меня!» Слезы усиливаются, она начинаетъ рыдать; съ нѣдѣли была нервный припадокъ, но горничная сунула и первый съ успокоился безъ свидѣтелей. Несчастье было велико; чтобы облегчить его, нужно взглянуть въ лицо истинъ. Г-жа

Дездемона оставила свои мечты; она вспоминала о своихъ дѣлахъ. Она поступила въ этомъ случаѣ не такъ, какъ старая и безразборная антрисъ, которая, впопавъ свое зеркало въ мойной посланицы, отталкивала его, прошептывая: «Ты лѣстникъ!»

Тутъ женщина влюбленная и тоскующая, строго вопрошаетъ себя и безпристрастно обсуждаетъ правду своего любимаго. Откуда владела въ женщинѣ странная способность сильно любить существо, которое онъ въ тоже время порицаетъ. Сила это или слабость? скорѣе слабость, такъ какъ этой способности не существуетъ у мужчинъ и она составляетъ одинъ изъ тысячи признаковъ неопредѣленности женскаго ума. Вотъ какъ онъ разсуждалъ: глупости должна быть приписана; такой то человекъ глупъ, а должна его презирать, а между тѣмъ, я его обожаю. Мужчины, если способные ихъ сердца нарушено, теряютъ способность видѣть ясно; женщины же, такъ сказать, любятъ смутно, а видятъ ясно.

III.

Рѣшеніе г-жи Дездемона.

Послѣ недѣльнаго испытанія, размышленія г-жи Дездемона пришелъ къ такому заключенію:

— Одинъ, очень талантливый и умный, писатель открылъ въ женщинахъ, въ вѣковой періодъ ихъ жизни, состояние души, которое онъ называлъ характеристическимъ словомъ «кризисъ». Названіе сохранилось. Почему бы, кажется, и мужчина не испытать этого стремленія къ неизвѣстному, этого отвращенія отъ настоящаго, словомъ, этого кризиса? Почему людямъ, пресыщеннымъ удовольствіями, не знающимъ, куда дѣлается отъ однообразія, не искать новыхъ радостей? У нихъ также бываютъ свои кризисы. Причины различны, но дѣйствія одинаковы. Кризисъ мужской и женскій, это одно и тоже. То же нарушение спокойствія въ жизни, то же общее неудовольство; то, что когда то угодно печалю, облегчало усталость, разогнала тревогу, — дѣлается невыносимымъ; все кажется скучнымъ. У женщины это ни что иное какъ пустота сердца; у мужчины — это болѣзнь ума. Женщина тяготеетъ своей добродѣтью; мужчина — своими пороками; одна должна быть нужной кому нибудь, другой — хотѣть приспособить себя къ кому нибудь. Пустота жизни нугаетъ того и другого. Они чувствуютъ, что время идетъ и толкаетъ ихъ, и спрашиваютъ себя: долго ли еще осталось жить, и спрашиваютъ другъ друга по идеи.

Въ этомъ, вѣроятно, и состоитъ несчастье Юліана; у него свой кризисъ. Я оцупала его рану, но не ошибался ли я и теперь? Показатъ суабородству Юліана, приготовить ему чай, свободѣ, которую составляется или расходуется; этимъ, ограничивалась моя дѣятельность. Я старалась предупредить его желанія; я жила его жизнью. Надо переимѣнить все это; но, что дѣлать, съ чего начать? О! я подумала и найду. Я женщина, а когда женщина захочетъ....

Г-жа Дездемона, чтобы опить привлечь къ себѣ своего друга, придумала способъ, всеню употребившійся въ комедіяхъ. — Ревность показала ее единственною и лучшимъ лекарствомъ. Впрочемъ, направленный трудъ; болѣзнь была неизлечима. Г-жа Дездемона избрала нѣмого Фавери. Юліанъ не любилъ его. Что, еслибы его выставить въ роли соперника? Фавери былъ одинъ изъ тѣхъ полу-глагоушъ, которые въ свѣтъ разсматриваютъ только уминая человека. Она знала наизусть нѣсколько стихотвореній де Мюссе и ввѣла нѣкоторые понятіе о рисованіи. Часто посѣщая г-жу Дездемону, онъ всегда былъ готовъ къ ее услугамъ, и, назавось, хотѣлъ сказать: если вы разубойте г-жа Мегениасъ несли хотіте полюбите кого нибудь другого, то вносите обо мнѣ.

— Я хочу заказать свой портретъ, сказала г-жа Дездемона Юліану.

— А!

— Отгадайте ли вы имя художника?

— Нѣтъ.

— Этого. Фавери.

— А!

— Хорошо ли я поступаю? Вы, кажется, не довольны. Если хотите, я переимѣню свое намереніе?

— Зачѣмъ? дѣлайте какъ вамъ угодно. Никакого неудовольствія; токъ совершенно спокойнаго; ревности неизвѣстно. Фавери имѣлъ мастерскую и воображалъ себя на самомъ дѣлѣ художникомъ. Во все продолженіе первыхъ вѣнчѣтъ, Юліанъ слышалъ только одиъ похвалы Фавери: какой талант! какаа прекрасная мастерская; какіе величественные персидскіе ковры.

Часто говорилъ Юліану, когда онъ пріѣзжалъ въ назначенный часъ:

— Барыня сидитъ у живописца, не угодно-ли вамъ будетъ хвать къ г. Фавери, такъ какъ барыня пробудетъ у него до четырехъ часовъ. Юліанъ пожималъ плечами, не ходилъ къ Фавери, а отправлялся въ клубъ. Посѣщенія Юліана становились все рѣже.

— Я пропала, вскричала однажды г-жа Дездемона. Быть можетъ онъ задумалъ жениться!..

(Продолженіе будетъ).

СЦЕНЫ ИЗЪ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.

(Окончаніе).

Черезъ нѣсколько времени она возвратилась. Лицо ея было сильно измѣнено.

— Представьте, какъ мамъ матерямъ бываетъ иногда трудно, заговорила съ союденіемъ, — я хочу воспитывать моихъ дѣтей по всѣмъ правиламъ гнгины. Гнгины признаетъ мамъ самой здоровой и питательной пищею, а у меня Маня чувствуетъ положительное отвращеніе отъ мясной пищи. Понять не могу отчего. Это вотъ она сейчасъ плакала, оттого, что ей принесли бифштекса на завтракъ. Не хочется его есть, да и только. И каждый день у насъ такая исторія. Просто не знаю, что дѣлать съ ней.

Въ это время старшій ребенокъ, мальчикъ семи лѣтъ, принесъ въ гостиную какую-то коробку и началъ играть на органѣ.

— Миша! опитъ солдатки! вскричала мать въ ужасѣ и бросалась отнимать солдатиковъ. Опилъ напала дѣла тебѣ. Эта старуха меня съума сведетъ.

Миша храбро защищалъ своихъ солдатиковъ, разставленныхъ на окнѣ, но, наконецъ, видя, что ему не спасти ихъ, принялъ въ отчаяніе и началъ раскидывать ихъ по полу.

Садъ же за наказаніе пошелъ тутъ и не смѣлъ вставать съ мѣста, проговорила мать, привела его за руку къ креслу, стоявшему въ углу. Я тебѣ наказываю за непослушаніе мамъ. Я тебѣ двадцать разъ ужъ говорила, что это глупая игра въ солдатки; я тебѣ запретила играть въ нее, продолжала она. Это дѣла принесъ ему солдатиковъ, обратился она ко мнѣ, я этимъ подаркомъ была очень недовольна; но, что дѣлать, должна была позволить ему вѣтъ, чтобы не обидѣть старика.

— Все равно, мама, сказалъ Миша, ты дома запрещаешь мнѣ играть въ моихъ солдатиковъ, а когда я бываю у Коли, мы съ нимъ всегда играемъ въ солдатки. Ему не запрещаютъ. У него какія есть, сабли, барабаны. Я прошелъ разъ бѣсъ барабанишкова, а онъ маршировалъ. Какъ весело-то было! Я узяю славно барабанить: трамъ-трамъ-трамъ-тррррр...

— Ну, а дома я не хочу, чтобы ты игралъ въ эту глупую игру. У тебѣ есть много другихъ игрушекъ, въ которыя тебѣ гораздо полезнѣе играть,

нежели въ солдатики. Картины складная, брусочки, ферма, коровушки...

— А я хочу играть въ солдатики, прервала настойчиво Миша, кинувъ годовую книгу, — любимый жест упрямыхъ дѣтей.

Въ дѣтской опять послышался плачъ, споръ и уговориванье.

Знакомая моя опять извинилась и побѣжала въ дѣтскую. Я слышала, какъ она возмолвила голосъ, выговаривая за что-то няньки. Нянька возражала довольно громко, а черезъ нѣсколько времени повалилась въ гостиный.

Это была старушка очень приличной наружности, въ чистомъ блѣдомъ чепчикѣ. Она была крѣпостною родителемъ моей знакомой и выпаливала даже теперешнюю свою госпожу. Въ силу этого несомнѣннаго обстоятельства она иногда безъ церемонии возражала, осуждала вслухъ при ней нѣкоторые ея поступки и ворукала за нихъ за глаза.

Въ настоящую минуту она была очень возмущена. Подозреваясь со мной, она начала собирать разбросанныхъ по полу солдатиковъ.

— Развѣснелась! пристала, зачѣмъ даешь солдатиковъ, да зачѣмъ даешь? заворчала она, обращая рѣчь свою къ неизвѣстной няню. А гдѣ я дамъ? Я и не видала, какъ они въ нихъ утащили. Не запрещай имъ ему играть въ нихъ, такъ они бы и отстали отъ нихъ. А то, шибѣнно, ребенка всегда и тащить къ запрещенному.

— Другуновъ-то всѣхъ собери няня, просилъ жалобно Миша, а то прошедшій разъ одинъ пропалъ...

— Собери, батюшка, собери, не беспокойтесь. А отчего бы и не дать ребенку поиграть въ солдатики, продолжала няня, — что въ нихъ такого худого-то? Нѣтъ, все по модному, да по кинжальному, лишь въ кинжалѣ запрещать въ нихъ играть; охъ, моды-то эти окаянныя стужныя насъ. Вотъ хоть бы и Маню, какъ задала пичкать бифштексомъ да бифштексомъ — все одинъ бифштексъ, да бульонъ. Въ кинжалѣ, молъ, пичнуть, что дѣтямъ мало здорово, такъ надо больше его давать. А гдѣ оно выходитъ здорово-то? До того допичкала дѣтскую говядиною, что она ей до смерти опротивѣла, съмотрѣть на нее не можешь. Какъ увидишь, что несетъ хухаря ей тарелку съ бифштексомъ, такъ и зарежешь бѣглымъ матономъ. А другого не везать давать, ну и не бѣсъ, бѣднѣшка, ничего; нянькино, и худѣетъ оттого. Вотъ казавъ бѣднѣшка, да слабѣющая, жалъ ребенка-то. Уморять она ее со своими модами-то, какъ гоголичка Андрюшу, царство небесное его ангельской душевнѣй, уморила... Няня утѣла глаза кончикомъ шейнаго платка.

— А Андрюши крупъ былъ, замѣтилъ Миша. Андрюша отъ крупа умеръ.

— Гмъ! отъ крупа! усмѣхнулась прощически нянька. Показалъ, что по хлему, отъ крупа. А крупъ-то отчего сдѣлался? Оттого, что носѣтъ бани не вѣзла шепку ему гоголичку платкомъ завязать. «Не жуешь, молъ, дѣтей въ тебѣ приуять. Теперь не зима еще, сентябрь», вы, горькошко и простудилъ — вотъ те сентябрь вынесетъ. У насъ вѣдь и все такъ съ бухты-барахты дѣлается; ты въ кинжалѣ прочитаешь, то зря я твоиришь, не подумавши, вставишь ли оно няньку? Кабы прежде, съ рожденья его не купали, — ну, такъ, молъ, оно и ничего бы вышло, или кабы мы тамъ въ ихней Франції жили, откуда въ эти моды-то идуть... Тамъ, говорятъ, и зимы-то нѣтъ...

— Алексѣевна! раздалась изъ дѣтской.

— Сейчасъ идю, ну-съ... и нянька упала съ изъ гостиной.

Мишѣ надо было сидѣть въ бездѣйствіи. Онъ всталъ и началъ осматривать по угламъ, присѣдая на корточки, не осталось ли еще гдѣ солдатиковъ.

— Миша, сказала я, отчего ты не любишь играть ни въ складная картины твои, ни въ ферму?

— Да надоѣли онъ мнѣ, отвѣчалъ Миша. Ма-

ма все мнѣ ихъ суесть и толкуетъ да толкуетъ, что лучше въ нихъ играть...

— Онъ оглушалъ, не слышитъ ли мать.

— Что ты оглушаешься? Развѣ ты боишься мамы?

— Нѣтъ, не боюсь. Она мнѣ ничего не сдѣлаетъ, а только занесетъ разговоръ.

— Развѣ ты не любишь слушать?

Миша отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ не люблю, проговорилъ онъ съ нислой гримасой. Ужъ она какъ начнетъ — такъ конца нѣтъ. Точно няньку читаетъ. Вѣдь это скучно. Анясь говоритъ, что она начнетъ за здравіе, а сведетъ за упокой.

— А кто это Анясь?

— Хухарка няня.

— А когда же ты слышалъ, что она это говоритъ?

— Да она всегда это намъ самой говоритъ, ну, а я постою. Мама мнѣ говоритъ, что Анясь говоритъ глупости, что она необразованная и чтобы я не повторяла.

Онъ вдругъ расхохотался.

— Чему же ты смѣяешься?

— Ха, ха, ха! Да вѣдь это смѣшно: начнетъ за здравіе, сведетъ за упокой.

И Миша опять залился смѣхомъ.

Мать вошла опять въ гостиную, ведя за руку третью мою знакомую. За ними выступала Алексѣевна.

— Ага! Вѣдь нѣмать такъ! вскричала радостно Миша, вытѣшая откуда-то изъ подъ мебели жестяного калевариста. Видишь ты, сѣбная курица, обратилась онъ къ нянькѣ, опять такъ одного проѣзжала.

— Стыдно вамъ, батюшка, меня сѣбной курицей называть, вымолвила въ амбицію няня, — я еще не только что васъ, такъ вамъ маленьку выслушала, бабушкѣ вашей и дѣдушкѣ покойнымъ научила...

— Бабушкѣ и дѣдушкѣ! передразнилъ Миша.

А солдатина все такъ не шла! Ты когда я маму нянька, сѣбная курица была, и когда бабушкѣ сужила, тоже была сѣбная курица...

— Не извольте браниться, пропала съ запальчиво няня. У насъ, правдиво она, опять обратилась къ неизвѣстной няню, дѣтямъ все позволяють, всѣяя грубости противъ старшихъ...

— Сѣбная курица! сѣбная курица! дразнилъ ее Миша.

Нянька, въ свою очередь, громко заспорствовала о неуваженіи къ старшимъ.

— Перестань, Алексѣевна, унимала ее моя знакомая, чего ты свалалась съ ребенкомъ...

— У насъ всегда такъ, продолжала нянька. Оттого онъ и шалуитъ, и грубый такой, что вы ему по всемъ потакаете.

— Знаешь, что, Алексѣевна, прервала ее насмѣшная моя знакомая, я ужъ лучше совсѣмъ отступлюсь отъ воспитанія моихъ дѣтей. Воспитаній ты ихъ по своей методѣ, да менѣ учи ей. Я, когда поступилъ ее вполнѣ, то, показавъ, начепаю, такъ и пазову ее «метода воспитанія дѣтей, Алексѣевна». Воображаю, какаю она будетъ совершеннаго метода, ты заткнешься за пось самого Песталоцки.

Нянька продолженіе этой рѣчи перебранкилась съ Мишей.

— Сѣбная куррица! крикнулъ онъ вдругъ надъ самымъ ея ухомъ, подбѣжавъ къ ней.

Нянька изъ гнѣвнаго тона перешла въ сазаливый и принялась утирать глаза платкомъ.

— А ты сейчасъ перестань, обратилась мать къ Мишѣ. Я сколько ни стараюсь толковать тебѣ что хорошо и что дурно, что полезно и что вредно, — какъ ни бьюсь, чтобы развить тебѣ на столько, чтобы твои поступки были покрайней мѣрѣ хоть сколько нибудь осмысленны...

— Ну! Завелъ! провозгласилъ Миша.

— Что? Что ты сказалъ?

Знакомая моя встала, подошла къ мальчику и потащила его къ удивленному креслу.

Миша упрямился и барахтался.

— Ну, такъ вотъ же тебѣ, если такъ, проговорила мать, вѣнчаюла его въ кабинетъ отца и заперла дверь на ключъ.

Миша принялся орать такъ, что голосъ его разнеслся по всему дому.

— Кричи, сколько хочешь, это тебѣ не поможетъ, сказала мать.

— Миша оралъ минутъ съ десять такъ, что у насъ трещало въ ушахъ. Вдругъ онъ замолчалъ.

— Наконецъ-то хатилась за умъ! сказала опять мать, обращаясь ко мнѣ.

Миша утихнулъ.

— Какъ же бы не такъ, возразилъ онъ, я только отдохнулъ, и снова принялся кричать еще громче прежнего.

Знакомая моя между тѣмъ стала мнѣ жаловаться на трудность воспитанія дѣтей и на старую няньку, которая шла всегда въ разрѣзъ всѣмъ ея педагогическимъ принципамъ.

— Зачѣмъ же вы ее держите при дѣтяхъ? замѣтила я.

— Я давно уже думаю, какъ бы отъ нее избавиться. Агосагола, чтобы ее приняла въ какую нибудь богатѣющую, но ничего не могла сдѣлать.

— Вѣдь она ваша бывшая крѣпостная!

— Да.

— Мнѣ кажется, вы легко можете отъ нее избавиться. Найдите ей гдѣ нибудь около васъ недорогую комнату и дайте ей помѣшало, что нибудь на содержаніе, — или, чтобы было экономіею для насъ, посылайте ей отъ себя обѣды и ужинъ. Старуха, я думаю, и сама, просудившись всѣмъ своей вѣкъ, рада будетъ пожить на покой.

Физиономія моей знакомой вытянулась.

— Это будетъ мнѣ очень дорого стоить, проговорила она, потому что я вѣдь должна же буду нанять другую няньку, помоложе, а содержатъ ее, да еще старуку — составитъ порядочный счетъ.

Я замолчала, потому что возражать было нечего, только посмотрѣла на обстановку, окружающую мою знакомую.

Я знала, что у ней хватало денегъ и на оперу, и на концерты, и на наряды — словомъ, на разныя предметы роскоши.

— Миша, между тѣмъ, договорилъ до того, что мы оба потеряли терпѣніе. Я встала, чтобы уйти.

— Ахъ, посидите, покажустанъ, посидите, заговорилъ моя знакомая, мы съ вами ничего еще не успѣли поговорить.

Но я все таки надѣла шальку.

— Миша, перестань! Слышишь, сейчасъ перестань, вскричала моя знакомая, отворилъ дверь въ кабинетъ. Это ни на что не похоже! Ты мѣня просто приводишь въ отчаяніе. Это можетъ быть еще простителемъ Мишѣ, ея только три года, но тебѣ вѣдь ужъ осылой годъ...

Миша, ничему не внимая, потащилъ по дивану и возложилъ по нему руками и ногами и оралъ такъ, что надо было удивляться, какъ выдерживаютъ его легкія.

Мать подбѣжала къ нему и схватила его за руку.

— Перестань бѣсноватиться, повторила она, трясъ его, слышишь, сейчасъ перестань! Отрезвись! Сію минуту отрезвись!

Слово это поправилось ей и она стала повторять его беспрестанно.

— Отрезвись! отрезвись! отрезвись! раздавался громко голосъ изъ моихъ ушей, вмѣстѣ съ оравшемъ Мишей.

— Вотъ каждый Божій день у насъ такой Содома, провозгласила няня, попиныишь въ дѣряхъ.

Я не дождалась, пока отрезвись Миша и ушла домой.

И не одна моя знакомая воспитывалась такимъ образомъ своихъ дѣтей. Подобное мимомиморра-

нальное воспитание случалось мнѣ встрѣчать и въ другихъ домахъ, гдѣ на воспитаніе дѣтей смотрятъ поверхностно, какъ на дѣло жмы—а не обдуманнаго убѣжденія.

с.

НОВЫЯ МОДЫ.

Такъ какъ во Франціи теперь никому не приходится въ голову заниматься модою, то и туалеты всего остального міра сохраняютъ надолго свою перешедшую основную форму, ограничиваясь только измѣненіями въ отдѣлахъ. Поэтому и мы поговоримъ сегодня преимущественно объ измѣненіяхъ или освѣженіи платьевъ, оставшихся отъ прошлаго сезона. Оборки, бѣи и плиссе чрезвычайно удобны для этой цѣли. Теперь носить платья въ два цвѣта, такъ что, пригнувшись не много матеріи, можно совершенно обновить уже ношенное платье. Если платье и прежде было съ оборками, то старая оборка можетъ пойти на бѣи, а между бѣи, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видна нашивка, можно совершенно обновить уже ношенное платье. Если платье и прежде было съ оборками, то старая оборка можетъ пойти на бѣи, а между бѣи, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видна нашивка, можно совершенно обновить уже ношенное платье. Если платье и прежде было съ оборками, то старая оборка можетъ пойти на бѣи, а между бѣи, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видна нашивка, можно совершенно обновить уже ношенное платье.

Бахрома въ большой модѣ. Кружевные тюники носятъ при вечернемъ нарядѣ. На бархатныхъ отдѣлахъ часто нашивается еще и агратантъ. Кофточки, по прежнему, коротенькія, съ мѣхомъ или вышивками. Въ рубашкахъ никакихъ замѣтныхъ измѣненій не произошло. Для домашнего, даже очень наряднаго, туалета, сверхъ цѣтной юбки нашивается кашемировой распушенной юбки. Это составлялъ родъ большого привагого туалета, открытаго спереди и съ лифомъ. Нижняя юбка можетъ быть и шелковая. Капотъ можетъ быть пестрого турешаго узора, цѣтной или бѣлой. Разумѣется, нижняя юбка должна быть такого цвѣта, который-бы хорошо согласовался съ цѣтвомъ капота.

Вязанные бланши, пелерны и платки все больше и больше ходятъ въ употребленіи. Для освѣженія бальныхъ туалетовъ употребляютъ легкія ткани: гренадъ, газъ шамбери, крепъ, таратантъ и пр. Шелковая юбка можетъ быть вся закрыта буффами, воланами и тюниками изъ легкой ткани, а лифъ и рукава буффами и бертой.

Въ женске и дѣтске наряды добросовѣстно и недорого исполняются на Петербургской сторонѣ, въ Большой Никольской, домъ № 5.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Странная вещь суетвире; какъ оно прожжено челоуѣческой природою. Разумъ открываетъ его, какъ положительную неабытность, а внутренний челоуѣкъ, не то что признаетъ, а какъ то по-бавляется.

Исторически доказано, что съ каждымъ столѣтіемъ суетвире теряетъ свою силу; но мы никакъ не можемъ похвалиться тѣмъ, чтобы нашъ почитаемый, неосотергающий, материальный вѣкъ сбросилъ со своихъ плечъ всякое суетвире. Не говоря о низшихъ классахъ, которые, по необразованности своему, не могутъ еще отрешиться отъ своихъ, сложившихся вѣками, предрассудковъ и понатій, мы встрѣчаемъ и въ образованныхъ классахъ очень много личностей, которыя только говорятъ, что не вѣрятъ въ различныя примѣты и то потому, что боятся быть поднятными на смѣхъ, а сами урядкомъ тупшатъ третью сѣвту, стараясь ловко выпроводить тринадцатаго гостя, а если это не удается, то готовы посадить за столъ свою горничную, ради того только, чтобы набавиться печальнаго часа.

Милліоны читательницы, неужели вы ни разу не испитали на себѣ вѣянія суетвире? Неужели вы ни разу не дали ему восторжествовать надъ рассудкомъ. Признайтесь, помните, не найдется ли за вами глупости? Да и найдется ли въ Россіи дѣвушка, которая на смѣтахъ не спрашивала у прохожаго имени, желая знать имя суженого. «Это глупости, это только рать напастей», скажете вы; хорошо, мы и на это согласны; но если, случайно, прохожий называлъ вамъ заветное имя, неужели это не произвело на васъ ни малѣйшаго впечатлѣнія? Не отшарылись, не поворѣли. А если пріятное впечатлѣніе было—поздравляю—вы суетвире.

Для любви особенно суетвире представляетъ такое обширное поле, которое сразу не обнимешь, а на этомъ то пость важъ и легче всего поимать. Но, суетвире вы или нѣтъ, вѣрите въ различныя примѣты или не вѣрите, а все такъ поворѣ съ нами о различныхъ примѣтахъ, гаданіяхъ и прочихъ пустякахъ, (вѣдь намъ удѣлъ говорить только о пустякахъ; фельетонисту не дозволяется пускаться въ серьезные разсужденія). Можеть быть, эти пустяки, если не открываютъ намъ нашей судьбы, то помогутъ весело провести одинъ изъ свѣточныхъ вечеровъ, пошамантъ и погурчачиться.

Такъ какъ Рождество почти наступило, а гаданіи почему то больше всего занимаются на Рождествѣ, то пріятнее всего будетъ говорить о гаданіи. Въ нашихъ гостиницахъ, гдѣ собирается много молодежи, между которой всегда найдутся личности, интересующіяся другъ друга, гаданіе очень часто оживляетъ вечеръ, подаетъ поводъ къ смѣху, острыми замѣчаніями и веселости.

Гаданье на поскѣ, вѣроятно, вѣкъ. Пѣтухъ также часто играетъ въ гостиницахъ весьма почетную роль. Сказъ насъ увѣрить, что не одна молодая дама пресерьезно убивала меня, что въ годъ ея свадьбы пѣтухъ въ ней первый пришло въ покровать крупы. Представьте себѣ, mes demoiselles, что вы сидите на полу, въ бѣлѣ или мѣлѣ удобныхъ позахъ, вокругъ пѣтуха; передъ каждой изъ васъ кучка крупы. Пѣтухъ, пришедшій въ темной конюшнѣ въ сѣвную залу, ошеломленъ, сперва онъ робко осматривается, но потомъ, увидѣвъ себѣ въ такомъ мѣломъ обществѣ, приходитъ къ тому заключенію, что ему не угрожаетъ ни малѣйшей опасности и что предлагаемое надъ вѣтъ. Тогда онъ начинаетъ внимательно смотрѣть по сторонамъ. Согласитесь, положеніе его затруднительное, столько кучекъ крупы—которую выбрать. А въ это то критическое время сердца ваши бьются тревогой и охи-

даиваетъ: «Авось къ мнѣ подойдетъ!» мѣшкаятъ у васъ въ уши. Но пость пѣтухъ совершилъ свой выборъ и счастливицу чуть не подрываетъ.

Для разоборачія, не хотіте ли поглядѣть на лѣнахъ? Для этого въ станіи съ водою выпускають бѣлокъ. Если фигура его будетъ похожа на червовъ—это предвѣщаетъ молодымъ людямъ сѣвду, пожилымъ смерть (хотѣвъ этотъ въ веселой компаніи можно и не говорить), а пожилой вдовушкѣ напорочіи жениха, маленякъ предскажетъ сѣвду дочку.

Фигура въ родѣ корабля съ парусами, замужне предвѣщаетъ пріобрѣтѣе отсутствующаго мужа; дѣвчушкѣ замужество и отбѣздъ, мужишкѣ—путешествіе. Если бѣлокъ опустится несъ внизъ, тогда бойтесь, вамъ угрожаетъ великое бѣдствіе: пожаръ, смерть, а дѣвчушкѣ вѣвное дѣвичество.

Если хотіте гадать на глазахъ, записитесь заранѣе сальной свѣчѣ, которую теперь не вѣдѣ можно нагнѣ; насыпьте зѣи и пустите ихъ влать въ чашкѣ съ водою; если зѣи сойдутся, алоушійся сердца соединятся, разоудутся—не бывають счастіи.

Назъ кучи провъ берутъ на удачу поакно. Если оно гладкое—мужъ будетъ добрый, сукноватое—мужъ будетъ злой.

Если хотіте увидѣть во снѣ суженого, постройте изъ прутковъ мостикъ, поставте его подъ кроватъ и, ложась спать, проговорите три раза: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ же переведетъ меня черезъ мостикъ»; послѣ этого закуривши суженый явится во снѣ и подаетъ руку помощи при переходѣ.

Ли же можно вѣсть наперстокъ соли и наперстокъ воды, съѣсть это и проговорить: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ мнѣ нѣтъ подаетъ». Во снѣ явится суженый и подаетъ своей невестѣ нѣтъ.

Если у васъ была вѣна, то вѣрнотю оставите и грѣнѣ орехи, и восковыя свѣчи; выберите цѣлаю половини ореховъ, укрѣпите въ нихъ восковыя огарочки и, назвавъ дѣтъ лодочниками, ауданушій нами чѣты, пустите ихъ на счастіе поплавать въ большой мѣстѣ; сойдутся—женятся, сойдутся—не жить имъ вѣкъ. Если вы желаете знать, который изъ кураморскъ боже всего ухаивается за дѣвчней, —напишите на бумажкахъ имена кураморскъ и укрѣпите ихъ (т. е. бумажки) на бортахъ миски, а барышню пустите поплавать въ лодочкѣ; въ кому она пристанетъ и положитъ бумажку, тотъ и будетъ суженымъ.

Большую частью попутный вѣтеръ, дуяшій нѣтъ услужливою поудити, направляетъ лодочку въ ту сторону, куда ей идти надѣжитъ. Вѣдъ обманъ!

Надобо гадать—можно и поигрѣть. Когда то, не очень, притомъ, давно, les petits jeux были очень въ модѣ. Чѣмъ молодежь не потѣшается? Въ игрѣ такъ часто можно радимкомъ съѣтъ, не возбудивъ подозрѣній, пожать другъ другу руку...

Но чтобы игры были оживлены, присутствующіе должны имѣть какой нибудъ интересъ, или же разпореженіе игрѣ должно быть въ рукахъ лодкой и веселой особы, умѣющей придать всему веселый характеръ. Иногда такъ выбираютъ разпорядительницу: приносятъ пирогъ, съ запечеными въ немъ бѣбамъ, рѣжутъ пирогъ на куски по числу дѣвчн и даютъ каждой по куску. У которой найдется бѣба, та называется бѣбовой королевой и выбираетъ между мужишми поимочника и, вѣдѣтъ съ нимъ, разпорежается вечеромъ.

Не смотри на мое отравленіе но лжи, тутъ я допускаю обманъ; согласитесь, если бѣба попадетъ вѣлой, нестаророй дѣвчушкѣ—вы прокурате весь вечеръ. Хорошо еще, если королева выберетъ себѣ лоднаго министра, (выборъ фаворитовъ не всегда бывають удачны) тогда еще не все проиграно.

85—86, дается из толстой павки; для домишка и крышка берется овалъ въ 19 цент. длины и 12 цент. шириную. Объемъ обода въ 8 цент. высоты, склеиваю въ кружокъ, долженъ соответствовать величинѣ домишка. Наружная отдалка обода состоитъ изъ полосъ серебряной канты, украшенной симметрич. бордюромъ въ 12 степеней высоты (засланные дѣла, дающие швы, коричневые стебли вышиваются свободными стежками). Внутренняя сторона крышки по р. 86 шнелеется плетень кружкомъ атласной ленты съ плетью подражательн. для сохраненія шерстки, кожанка, иголки и пр. Вся часть корзинки обшивается лентой и домишко и ободокъ шнелеются шнелемъ черезъ край. Крышка сверху подобна бордюру и покрыта атласомъ, простеганная бѣлыми квадратиками. Кружокъ корзинки обшивается розовою; съ боковъ край украшенъ бантиками. Лидовая веревочная пучка и реиновая лента въ 5 цент. длиной служатъ застежкой корзинки.

87—88. Дѣт вышитыхъ полосъ отдалки,

для платякъ, постельч. и пр.

Оба бордюра вышиваются табурированными шовками; они служатъ отдалкою шерстянымъ и шовковымъ платякамъ. Какъ видно, изурядный край, рис. 87, шнуромъ перенятъ шестрой шовчанкой.

89. Изящный вечерній нарядъ.

Отдалка изъ цѣпной ленты и роскошныхъ кружевъ, пять нитокъ, служатъ уборкою лица; изъ нихъ составлены бретель, лацканы, поясъ и банты. Ткань образцовъ убирается платкомъ изъ крисеи, газонъ и грендионами. Лицо-рубанчикъ съ широкими рукавами отдалки всего широкимъ рубчикомъ; юбка убрана воланомъ съ широкимъ рубчикомъ. Нарядъ на шапке

присутств. дополненъ чепчикомъ изъ кружевъ и лента съ вѣткою розъ.

90—91. Кисейное фишко.

Оба кисеи рис. 90—91 даютъ точный поворъ кисейного фишко, украшеннаго атласнымъ пояскомъ съ бантикомъ; имъ только вышитымъ, что елика, которая у талии собирается, образуетъ нежное скругленную баску; низу баска изъ 50 цент. ширины; передки, низу нежного застроеннаго три 17—20 цент. ширини, вшиты по 83 цент. данни. Отдалка, какъ видно, сперва составляется изъ кружева въ 2 цент. ширини, да въ три трехъ нежного переходящихъ косыхъ двойныхъ кисейныхъ полосъ по 2 цент. ширини, съ вышитымъ бордюромъ въ видѣ завоування. Шини по серединѣ украшена полосой кружевъ, синихъ шнелемъ; шовъ кружевъ прикрывается кисейнымъ бѣлымъ

Объ изданіи въ 1871 году

ЖУРНАЛА

ПЕРЕВОДЫ „ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“

изд. Н. С. Львовымъ.

Начиная 5 й годъ своего существованія, Редакція «ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ», не дѣлая никакихъ заманчивыхъ обещаній на 1871 г., считаетъ лишь долгомъ заявить, что она будетъ продолжать свое изданіе по прежней программѣ, и по возможности печатать только такіе переводные романы, о которыхъ будетъ находить лучшіе отрывки въ заграничной литературѣ. Редакція по прежнему будетъ помѣщать начало и конецъ переводного романа въ мѣсячной книгѣ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда романъ слишкомъ великъ, и составитъ болѣе 40 печатныхъ листовъ, то въ 2-хъ или 3-хъ книгахъ.

Журналъ будетъ выходить по прежнему, въ концѣ каждого мѣсяца, книжкою отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ.

Цена за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ, остается по прежнему:

Безъ пересылки 6 р. 50 к.

Съ доставкой на домъ 7 р. 50 к.

Съ пересылкою по всѣмъ городамъ Имперіи. 8 р.

Подписка принимается въ С. Петербургѣ, въ Редакцію, Колокольная улица, домъ № 7, и въ книжные магазины Я. А. Исакова, въ Гостинный дворъ.

Гг. подписчики непосредственно адресуютъ свои требованія: въ С. Петербургѣ, въ Редакцію «ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ».

Такъ же можно получать оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1867 по 70 года по той же цѣнѣ (238) 3—3

О подпискѣ на 1871 годъ.

Центральная контора подписки на Журналы и періодическія изданія, ИЗДАВАЕМЫЕ въ РОССИИ и ЗАГРАНИЦЕЙ на ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ, книгопродавецъ-издатель ГЕРМАНА ГОППЕ, въ С.-Петербургѣ,

На Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

Центральная Контора ГЕРМАНА ГОППЕ принимаетъ подписку на всѣ русскіе и иностранные журналы и высылаетъ иностранные журналы въ пакеты по бандеролю, каждый номеръ отдѣльно, или по нѣскольку выѣстъ, по мѣрѣ полученія ихъ изъ заграници.

Центральная Контора, принимая посредничество по подпискѣ на всѣ русскіе и иностранные журналы, въ случаѣ прекращенія котораго нибудь изъ нихъ, не отвѣчаетъ за расчетъ съ подписчиками.

Въ случаѣ измѣненія цѣны или прекращенія какого либо журнала, контора уведомитъ объ этомъ подписчика немедленно;

Каталогъ журналовъ высылается желающимъ безвозмездно.

если же цѣна на журналъ возмнется, то подписчикъ долженъ выслать дополнительную сумму.

Въ случаѣ задержки Цензурою какихъ либо номеровъ иностранныхъ журналовъ, Контора никакой ответственности за это на себя не принимаетъ.

Отвѣты и подлинныя билеты каждой редакціи доставляются только высланнымъ на этотъ предметъ почтовыми марками.

Порученія гг. подписчиковъ выполняются Конторою точно по полученію. Для того же, чтобы не было задержки въ исполненіи, Контора покорнѣе проситъ при заказахъ прилагать слѣдующа за требованія изданія деньги.

(242)

СЮРПРИЗЫ ДЛЯ ДАМЪ

Состоящіе изъ необходимѣйшихъ принадлежностей дамскаго туалета: химная помада, французскіе духи, пудра, мыло и фиксаторъ, все это уложено въ изящномъ картонажѣ и продается за одинъ рубль; роскошные и полные въ 2 р., 3 р. и дорож. большой выборъ пудреницъ, флаконовъ; виноградъ съ духами 75 к. вѣтка и дорож. и проч.; подарки на елку: огромный выборъ картонажей и бон-

боньерокъ отъ 5 к. и дорож. Парафиновые и восковые свѣчи, подсвѣчники, фанари, электрическая нитка и проч. Атласныя и бархатныя полушубки по 25 к.

По Большой Садовой, между Горюховой и Апраксинымъ переулкомъ, въ домѣ Игнатьева, близъ образа Казанской Божіей Матери, въ магазинѣ Благородныхъ товаровъ № 2, Николая Савельева. (241)

ВЪ КОНТОРѢ КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

ГЕРМАНА ГОШЕ,

въ С.-Петербургѣ,

на Большой Садовой улицѣ, домъ Ильина, № 16

Продаются слѣдующія изданія:

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ.

GUIDE DU VOYAGEUR EN RUSSIE

par J. EASTIN;

ST.-PETERSBOURG,

ses environs immédiats et ses résidences Impériales; Schlüsselburg et les îles du Ladoga, Moscou, Novgorod, Nijni-Novgorod, Kazan, Toulou, Orel, Koursk, Kharkof, Poltava, Kieff, Odessa, la Crimée, Réval, Riga, Narva, Viborg, Helsingfors, Varsovie etc.

avec Notices historiques, statistiques, littéraires etc.

L'indication des lignes routières de l'empire russe, un plan de St.-Petersbourg, un plan de Moscou, une carte de la Russie, un catalogue des tableaux de l'Hermilage et un petit guide de conversation français-russe.

Въ англійскомъ переплетѣ. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

ТАБЕЛЬ ДОМОВЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА,

съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охотомъ,

составленная по направленію улицъ и указывающая, чей домъ въ какой части и въ которыхъ полицейскихъ и мировомъ участкахъ состоитъ. Съ приложениемъ

ПЛАНА ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА.

Цѣна 75 коп.; съ перес. 1 руб. сер.

Табель домовъ города Москвы,

составленная по направленію улицъ и указывающая, чей домъ въ какой части и въ которомъ кварталѣ состоитъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПЛАНА ГОРОДА МОСКВЫ.

12 листовъ печати. Цѣна 75 коп.; съ перес. 1 руб. сер.

Всеобщая

АДРЕСНАЯ КНИГА С.-ПЕТЕРБУРГА,

съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охотомъ,

составленная подъ покровительствомъ г-на С. П. Б. Обера-Полицеймейстера Генералъ-Адъютанта Трепова, въ пяти отдѣленіяхъ:

I. Адресы лицъ, состоящихъ по главѣ государственнаго управленія, по министерствамъ, со включеніемъ общаго состава С.-Петербургскаго полицейскаго управленія.

II. Адресы присутственныхъ мѣстъ, благотворительныхъ заведеній, больницъ, лечебницъ, торговыхъ обществъ, товариществъ и компаний, адресы мировыхъ судей, редакцій газетъ и журналовъ и наконецъ церкви, съ показаніемъ состоящихъ при нихъ на службѣ чиновъ духовнаго званія.

III. Адреса жителей Петербурга, собранные въ общій альманашъ по фамиліямъ.

IV. Адреса тѣхъ же жителей, разорванные по ремесламъ и специальнымъ занятиямъ кандид.

V. Списки домовладѣльцевъ С.-Петербурга, въ асимметрич. порядкѣ по фамиліямъ, съ обозначеніемъ при каждой фамиліи: части, участка, № дома и улицы, на которой домъ находится.

Цѣна въ бумажѣ 3 р. безъ перес. и 4 р. съ перес.; въ коленкоровомъ переплетѣ 4 р., съ перес. 5 р.

Всадникъ безъ головы,

Романъ капитана Майнъ-Рида.

Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.; съ перес. 1 руб. 50 коп. (243).

Планъ города Москвы,

СЪ РУССКИМЪ ИЛИ ФРАНЦУЗКИМЪ ТЕКСТОМЪ.

Цѣна 40 коп.; съ перес. 50 коп.

Хромофотографированный

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1871 г.,

на лучшей плотной бумагѣ. Цѣна 25 коп.; съ перес. 30 коп.

КАРТА ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССИИ,

готовыхъ, строящихся и прозктированныхъ по Сентябрь 1870 г.

Масштабъ 200 верстъ въ Англіиск. дюймѣ. Цѣна 25 коп., съ перес. 30 коп.

НОВАЯ КАРТА

СТѢН ЖЕЛЕЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

1—4,000,000. Изданіе 1868—1869 года. Цѣна въ печати. обертвѣ 25 коп.; съ перес. 40 коп.

НОВѢЙШАЯ КАРТА

Азіатской Россіи съ Туркестаномъ.

1870 годъ. Масштабъ 1—16,500,000.—Цѣна 25 коп., съ перес. 30 коп.

ПЛАНЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА,

съ русскимъ или французскимъ текстомъ.

Цѣна 40 коп.; съ перес. 50 коп.

(243).

ЖЕЛАЮЩИМЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ШВЕЙНЫМИ МАШИНАМИ

Предлагаютъ 4-ре таковыя:
системы **ВИЛЛЕРА** и **ВИЛЬСОНА** 2, **ГРОВЕРА** и **БЕКЕРА** 2,
съ платой по 40 коп. въ день, или по 10 к. въ часъ;
зѣбъ-же обучаютъ шитью на машинѣ по 3 р. съ чистотѣй и
принимаетъ швейную работу.

— На утку Адмиралтейской площади и Невскаго проспекта, дома № 1, въ № 7.
(239) 3—3.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ. DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ издается въ 16 листовъ, съ 60-ю тщательно исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебелищикоу, но и для архитектора.
Цѣна Альбому 3 р., съ перес. 4 р. с.
Главный складъ находится у выгравированнаго-мастера Германа Гоше, на Большой Садовой въ д. Ильина, № 16.
(245).

Объ изданіи въ 1871 году

ЖУРНАЛА

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

перешедшаго съ 1 января 1870 года под редакцію

Софіи Сергѣевны Кашниревой.

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Журналъ этотъ удостоенъ Высочайшаго Повелѣнія Императрицы Маріи Александровны, рекомендовать Учебному Комитету, Министерству Народнаго Просвѣщенія—для гимназій и училищъ, состоящихъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, Учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанникамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи, и Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендовать начальствамъ духовныхъ семинарій и училищъ. Годовое изданіе журнала «Семейные Вечера» будетъ состоять изъ 24 титъ, составленныхъ по слѣдующей программѣ: 1) Отголоски, повѣсти и рассказы, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. 2) Біографія замѣчательныхъ людей. 3) Очерки народныхъ бытавъ и преданій разныхъ странъ. Картины частной жизни въ разныхъ эпохахъ. 4) Путешествія. 5) Статьи по части исторіи, отечественной и всемірной. 6) Статьи по естественнымъ наукамъ. 7) Разборъ замѣчательныхъ сочиненій. 8) Извѣстія о замѣчательныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и наблюденіяхъ.

Статьи будутъ тщательно распределяться такъимъ образомъ, чтобы половина

изданія, 12 книгъ, украшенныхъ картинками, составила вполне пригодное чтеніе для дѣтей, или для младшаго возраста, а другая половина изданія—для юношества, или для старшаго возраста.

Въ книжкахъ «СЕМЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ» какъ для дѣтей, такъ и для юношества или Семейнаго Чтенія, прилагаются извѣстно полюбившіеся рисунки лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ; кромѣ того въ отбѣдъ для дѣтей будутъ отъ времени отъ времени помѣщаются раскрашенные картинны.

Въ Журналѣ будутъ приниматься восточное участіе: М. Ф. Ростовскаго, А. Пчеланикова, С. А. Чисикова, С. М. Макарова, Т. Толмачева, А. Н. Майкова, В. П. Кляшниковъ, М. Б. Чистяковъ, Е. А. Вѣловъ, В. И. Даль, П. М. Пейдлеръ, И. П. Хрущовъ, Н. Д. Ахшарумовъ и др.

Въ иллюстрированіи журнала будутъ участвовать: К. А. Трутовскій, К. Е. Маковский, А. О. Адамовъ, А. Н. Шурингъ, академики: Варонъ Клодтъ, Шарлеманъ и др. Гравировать на деревѣ будетъ М. В. Стариковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
Полный журналъ (24 книжки)	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для младшаго возраста (12 кн.)	5 »	5 » 50 к.
» » старшаго » (12 кн.)	5 »	5 » 50 »

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписавшихся на полный журналъ и обращающихся прямо въ редакцію, уступается 1 руб.

Разсрочка допускается по тремъ слѣдующимъ образомъ:

На одинъ изъ отдѣловъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.
За первую треть впередъ	2 р.	2 р.
» вторую »	2 »	2 »
» третью »	1 »	1 » 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Для иногороднихъ: исключительно въ редакцію журнала «Семейные Вечера», Саперный переулокъ, д. Мельникова.

Для жителей С.-Петербурга: въ редакцію журнала «Семейные Вечера» (Саперный переулокъ, д. Мельникова); въ магазиннахъ: А. Ф. Валунова, Я. А. Писова и у всѣхъ книгопродавцевъ. Въ Москвѣ: въ магазинѣ И. Г. Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣева).

Желющие подписаться съ разсрочкой обращаются въ редакцію.

Въ почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.

Редакторъ-издательница С. Кашнирева.

(240—2—1)

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ, БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» представляетъ исторію—географію—путешествія—изящнаго искусства—естественную исторію—технологію—промышленность—морское и военное искусство—политическія событія—войну и проч. и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ» представляетъ собою

ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ АЛЬБОМЪ

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной; Иллюстрація необходима вездѣ и для всѣхъ.

Но просимъ многихъ подписчиковъ и заказать роскошныя

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА.

изъ англійскаго колѣнора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа.

Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к.; съ пересылкою 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывки для переплетовъ, издатель «Всемирной Иллюстраціи» проситъ обращаться со своими заказами по возможности заблаговременно.

Цѣна первыхъ 4 томовъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ»:

1869 г., т. е. томы I и II вмѣстѣ, 12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетеніе въ англійскіе, тисненіе золотомъ, переплетъ — 16 р., съ пересылкою 19 р.

1870 г., т. е. томы III и IV вмѣстѣ — 12 р.; съ пересылкою 15 р.

Переплетеніе въ англійскіе, тисненіе золотомъ, переплетъ — 16 р., съ пересылкою 19 р.

1871 г. Для сохраненія постепенно публикуемыхъ господами подписчиками №№ «Всемирной Иллюстраціи» за 1871 годъ, т. е. для томовъ V и VI, мыѣмъ уже также роскошныя покрывки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная Контора «Всемирной Иллюстраціи» находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., домъ Ильина, № 16.

Издатель «Всемирной Иллюстраціи» Германъ Гоппе.

(244).

Главная Контора Редакціи (ГЕРМАНЪ ГОППЕ) находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, въ д. Ильина, № 16.

Дополнено цензурою, С.-Петербурга, 19 Декабря 1870 г.

Издатель Германъ Гоппе.—Редакторъ Ю. Померанцева.

Типографія А. М. Котомкина, Невск. просп. д. № 15.